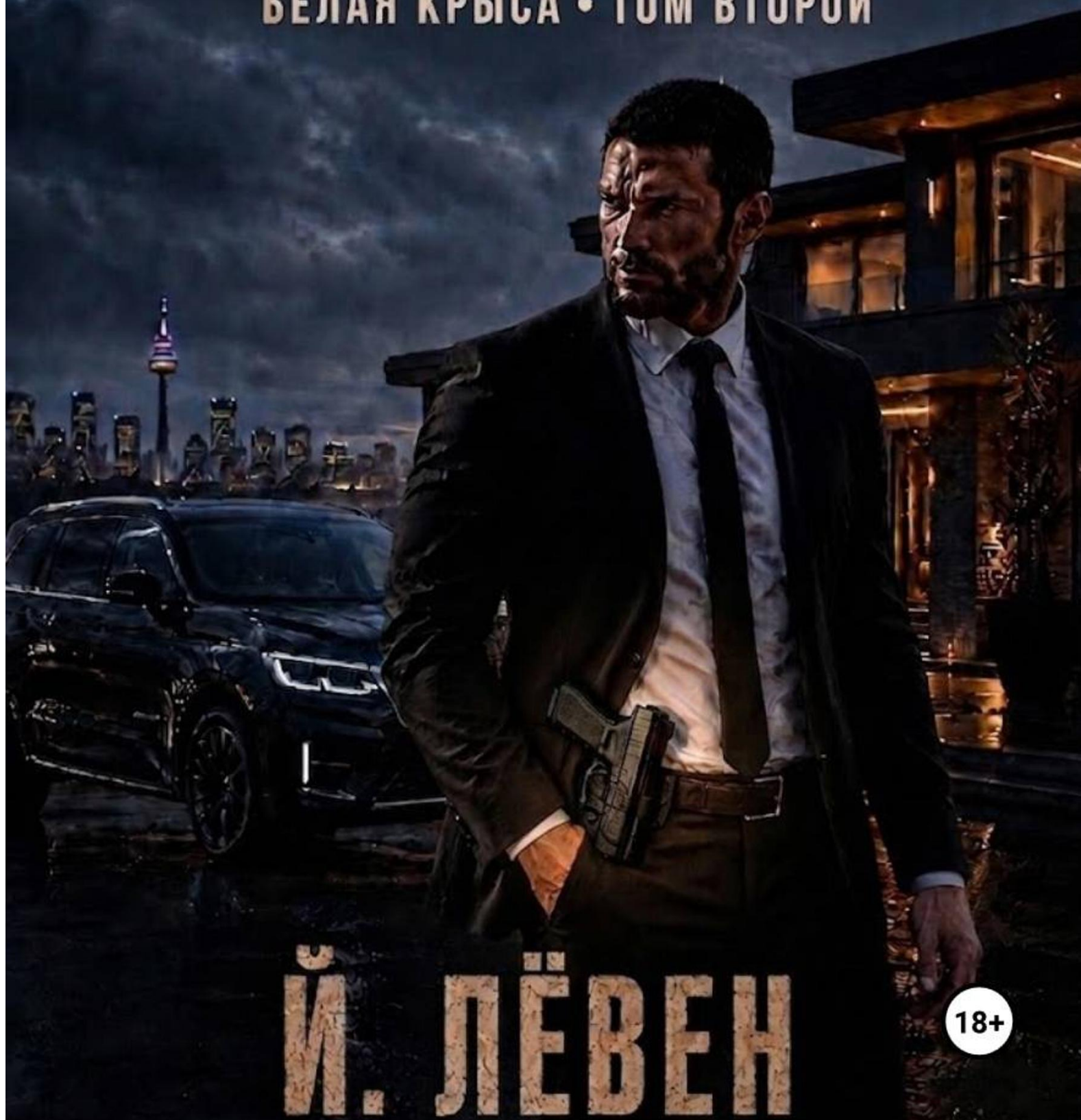

СРЫВ

БЕЛАЯ КРЫСА • ТОМ ВТОРОЙ

И. ЛЁВЕН

18+

Йоханн Лёвен

Срыв

«Автор»

2026

Лёвен Й.

Срыв / Й. Лёвен — «Автор», 2026

Кеплер никак не может привыкнуть к жизни в Германии — воспоминания о Судане и тоска по Африке не отпускают его. Пытаясь забыть Катрин, он терпит крах в двух отношениях, а когда семью его брата начинают шантажировать, он безжалостно уничтожает преступников. Вскоре он получает предложение отправиться в ЮАР и стать телохранителем в богатой семье. Кеплер видит в этом шанс придать своей жизни новый смысл и в очередной раз бросает всё, чтобы воспользоваться этой возможностью. Но в очередной раз всё идёт совершенно не так, как он надеялся.

© Лёвен Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	45
Глава 11	47
Глава 12	49
Глава 13	50
Глава 14	54
Глава 15	56
Глава 16	58
Глава 17	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Йоханн Лёвен

Срыв

Часть I

Глава 1

Под жарким солнцем Судана на залитой кровью поляне Кеплер дал обещание умирающей монахине. И теперь, сдержав его, он задавался вопросом, что ему вообще ещё делать в Европе.

Путь от Сент-Этьена до границы с Люксембургом занял у него чуть больше пяти часов. Он остановился на первой же придорожной зоне отдыха, которую увидел на территории Великого Герцогства. Во-первых, за этот день он проехал уже полторы тысячи километров, а во-вторых, с раннего утра ничего не ел.

Кеплер машинально жевал шницель, толком не чувствуя его вкуса, и так же неумолимо, как сгущалась темнота за окнами, таяла его уверенность в собственном будущем. К растерянности, вместе с чувством сытости, добавилась усталость. Поев и расплатившись, Кеплер сел в свою машину, откинул спинку сиденья и закрыл глаза.

Он резко проснулся три часа спустя и потянулся к пассажирскому сиденью, чтобы убедиться, что АВСМ по-прежнему надёжно лежит на своём месте.

Лишь тут он осознал, что находится не в Африке и сидит не в джипе.

Глава 2

На оставшиеся четыреста километров до Штайнфурта у Кеплера ушло чуть меньше четырёх часов.

Когда он добрался до родного города, над его крышами уже занимался рассвет. Ясный свет восходящего солнца казался ему не радостно-золотым, а каким-то блёклым.

Запах кофе на бабушкиной кухне и уверенность в том, что она там, всё же немного подняли Кеплеру настроение. Когда он вошёл в кухню, бабушка с чашкой в руке отвернулась от кухонного стола, посмотрела на него поверх очков, улыбнулась, поставила чашку и жестом предложила Кеплеру сесть. Прежде чем сделать это, он коротко прижал её к себе, а она погладила его по голове. Какое-то время они молча пили кофе и задумчиво смотрели в окно.

Затем бабушка вдруг смущённо посмотрела на Кеплера.

— Ах, Дирк, ты помнишь Катрин Эрлер?

Кеплер в крайнем изумлении перевёл взгляд на бабушку.

— Что?

— Я хотела сказать тебе раньше, — торопливо, как бы оправдываясь, пояснила бабушка, — но после твоего возвращения всё было так сумбурно.

— Неважно, — поторопил её Кеплер. — Что с Катрин?

— Она была здесь около года назад, — рассказала бабушка. — Сказала, что ты спас ей жизнь в Африке. Хотела узнать, нет ли от тебя вестей. — Она улыбнулась. — Очень милая девушка. Кто она?

Кеплер с удивлением задался вопросом, как Катрин смогла найти его дом. Затем вспомнил, что она видела его паспорт.

— У нас там кое-что было. — Он избёг слова «секс». — Но, думаю, это только потому, что я ей помог.

— Нет, — строго возразила бабушка. — Она действительно хотела увидеть тебя снова. Она очень расстроилась, что тебя не было. — Она укоризненно посмотрела на Кеплера. — Но, видимо, она именно этого и ожидала. Она кое-что для тебя оставила.

Она встала и подошла к шкафу, где хранила всё подряд: от таблеток аспирина до дешёвых ножниц, которые ей когда-то всучили на пороге. Порылась в ящике и выудила большой коричневый конверт. Протянула его Кеплеру и с любопытством на него посмотрела.

Полностью проигнорировав этот взгляд, он коротко поблагодарил её и ушёл в свою комнату. Там он сел на кровать и посмотрел на конверт.

Перед глазами мелькнули образы Катрин, всплыло полузабытое воспоминание о её коже — неуловимое, но щемящее и тоскливое. Он отогнал его и вскрыл конверт. Внутри лежали DVD-диск и конверт поменьше, белый, на котором стояло его имя и пометка *лично*. Кеплер отложил диск в сторону и вскрыл маленький конверт.

«Привет, Дирк», — начиналось письмо Катрин, написанное прямым, резким почерком. — «Я хотела ещё раз сказать тебе спасибо за то, что ты спас мне жизнь. И за то, что сделал всё, чтобы я благополучно добралась домой».

Кеплер поднял голову, вспомнив Катрин в аэропорту Кадугли. Одинокую, беззащитную, с потерянным взглядом.

«И, может быть, ты сможешь спасти меня ещё раз. Дело в том, что я не знаю, что делать со своей жизнью. Я чувствую себя потерянной, словно моё существование лишилось смысла, временами я просто функционирую. Я не могу забыть тамошнюю жизнь, со всем её волшебством и всей её жестокостью; столько горя посреди красоты меняет человека. Я постоянно спрашиваю себя, по какому праву я могу безопасно переходить улицу и пить чистую воду, почему у меня вдоволь одежды и еды, а у тех людей — нет. Мне стыдно, как будто я веду эту хорошую

жизнь за их счёт. Я постоянно думаю об Африке, и здешние проблемы кажутся мне второстепенными и бессмысленными. Моя семья и друзья говорят, чтобы я всё забыла и просто жила. Но я не могу. Я хотела показать миру, как там страдают люди, но мир лишь мельком взглянул на мои фотографии, сочувственно покачал головой — и возвращается дальше. И я подыгрываю ему: фотографирую курортные райские уголки и моделей и даже хорошо на этом зарабатываю. Почти всё я жертвую для Африки, но от этого ничего не меняется».

Перед глазами Кеплера вдруг возникла первая разрушенная деревня, которую он увидел в Судане. Раздутые трупы возле убогих хижин, бродячая собака. Полтора дня он ждал — вдруг кто-то всё же выжил и вернётся. Затем он уехал обратно на своей гружёной Скании. В тот день его сердце, как и у Катрин, в оцепенении замерло. Последующие сражения, возможно, и были правильным делом, но они вообще ни к чему не привели. Зато он на этом даже разбогател. Но о том, чтобы помочь этими деньгами кому-то, ради кого он тогда готов был умереть, он и не подумал. А Катрин искупала вину, которой на ней не было.

«Ты, наверное, спрашиваешь себя, к чему вообще это письмо, — читал он дальше на следующей странице. — Что ж, мне стало легче после того, как я всё это написала, и потому что я знаю: ты меня поймёшь. Я чувствую такую сильную связь с тобой, как ни с кем другим. У меня больше никого нет, я ни с кем больше не могу найти общий язык. На DVD-диске — фотографии, которые я сделала в Африке. Может, ты захочешь показать их своей семье, чтобы они поняли, как там всё обстоит. А тебе я хочу подарить кое-что, что всегда будет напоминать тебе обо мне. Это лежит в отдельной папке, которая предназначена только для тебя, её можно открыть только на ПК. Пароль — это то, на что мы смотрели ночью перед твоей хижинкой в Судане. То, что находится в этой папке, не дало поблёкнуть моим воспоминаниям о тебе. Надеюсь, ты не погиб на этой безумной войне и скоро мне позвонишь. С любовью, твоя Катрин».

Под этой строкой были указаны два телефонных номера.

Впервые за долгие месяцы Кеплер почувствовал себя хорошо. Катрин была оправданием его поступкам. Он убивал ради неё, но за неё он пошёл бы и на смерть. Возможно, поэтому она не считала его плохим человеком. Сам он так не считал, но было приятно, что она думала иначе.

Кеплер отложил письмо, достал мобильник и набрал номер стационарного телефона. Тут же включился автоответчик: номер не существует. Удивлённый Кеплер набрал мобильный номер. Долгие гудки. Он уже хотел повесить трубку, когда наконец на том конце ответили. На секунду его сердце было готово разорваться от радости. Но затем снова сжалось в кусок льда: женщина на другом конце провода была не Катрин. И она не знала, кто такая Катрин. Этот номер принадлежал ей уже пять месяцев.

Его любовь, на мгновение оказавшаяся такой близкой, словно снова стала частью его самого, теперь была так же далека, как и год назад. Кеплер включил ноутбук. Третий по счёту номер на фамилию «Эрлер» с кодом 0431 в интернет-справочнике оказался номером родителей Катрин. Её мать сухо сообщила, что Катрин уже полгода в разъездах от организации Гринпис. Затем осеклась и спросила, кто звонит.

— Кеплер. Я знаю вашу дочь по Судану.

— Дирк Кеплер? — скептически переспросила женщина.

Теперь настала очередь Кеплера удивляться: своего имени он не называл.

— Да.

— Я... — женщина запнулась, прежде чем продолжить. — Я благодарна вам.

— За что? — озадаченно спросил Кеплер.

— За то, что вы защитили мою дочь.

— Э-э... Вам не за что меня благодарить, госпожа Эрлер.

— Катрин страшно по вам скучала. Она так надеялась, что вы вернётесь. — Мать Катрин помолчала. — Но вы не звонили. А она была совершенно разбита с тех пор, как вернулась

оттуда. — Её тон был полон отвращения ко всему, что было связано с Африкой, в голосе слышались слёзы. — В какой-то момент Катрин просто перестала с этим справляться. Потому она уехала.

— И с ней не связаться?

Мать Катрин на мгновение замешкалась.

— Послушайте, Дирк... — она запнулась. — Она кое с кем познакомилась. И он сделал для неё то же, что и вы — только по-другому. — В её голосе звучала мольба, словно она хотела оправдать Катрин. — Она наконец-то нашла покой, Дирк.

Кеплер беззвучно выдохнул.

— Он хорошо к ней относится?

— Да. — Голос матери Катрин вдруг потеплел. — Они помолвлены.

— Она его любит? — это было единственное, что ещё хотел знать Кеплер.

— Да.

Возможность снова увидеть Катрин, ещё пару минут назад казавшаяся такой осязаемой, дала Кеплеру понять, что он всё ещё любит её. И насколько сильно он её любит. Но с того самого момента, как он впервые её увидел, он хотел лишь одного: чтобы она была свободна и счастлива.

— Пожелайте им обоим всего самого наилучшего от меня.

Мать Катрин с облегчением вздохнула.

— Спасибо, Дирк.

Кеплер повесил трубку, собрал листы письма и положил их в один из ящиков своего письменного стола. Несколько минут он сидел неподвижно.

На мгновение в нём зародилась крупица надежды, что он смог обвести судьбу вокруг пальца. Как тогда, когда он познакомился с Абуди.

И так же, как он хладнокровно застрелил генерала, сейчас Кеплер убивал свою любовь к Катрин.

Но на этот раз отпустить было сложнее, и он сам этому поразился. В Судане у них с Катрин не было будущего. Здесь оно, возможно, и было бы осуществимо, но обстоятельства не позволили. Да так оно было и лучше. В Судане ситуация была экстремальной. Хотя там они и стали очень близки друг другу, в нормальных условиях этого оказалось бы недостаточно для прочной связи. Это превратилось бы в дилемму, в которой Катрин пострадала бы ещё больше, причём сильнее, чем он сам. Теперь у неё был шанс справиться со своей травмой. У самого Кеплера такой возможности не было, но он не испытывал по этому поводу разочарования. Если ты чётко осознаёшь свои варианты — а он получил блестящую подготовку именно в том, чтобы распознавать свои варианты, — любую боль при некоторой сноровке можно отключить. И тогда становится неважно, насколько сильно ты чего-то хотел. Если ты этого не получал, то всё равно не было больно — это закаляло. Возможно, это было неправильно, и уж точно обрекало на одиночество. Но к одиночеству Кеплер привык. Таким, как он, просто не суждено получать любовь. Или уметь её удержать. Или отвечать на неё должным образом.

Его бесчувственность была божьим даром, он смог отпустить Катрин. Его память, напротив, которую он непрерывно тренировал с самого детства, не всегда была благословением.

Поэтому забыть Катрин — Кеплер просто не мог.

Глава 3

В отличие от Кеплера, Йенс всегда умел извлекать из перемен в своей жизни что-то хорошее. Последняя принесла ему счастье. Его мир всегда был очень маленьким, он включал в себя только Сару, бабушку и работу. Теперь он расширился за счёт маленького существа, которое оттеснило на задний план всё остальное в восприятии Йенса. Он просто растворялся в своём сыне. Он рассуждал о том, что мужчины в семье теперь оказались в большинстве, и бросал на Сару многозначительные взгляды, намекая на желание продолжить в том же духе. Сара смотрела на него как на маленького ребёнка, качала головой и отдавала ему Роберта, чтобы он поменял ему подгузники. Йенс, в отличие от любого другого мужчины, которого знал Кеплер, с радостью брался за эту задачу, чтобы затем — добровольно — дать малышу бутылочку и уложить его спать. Как только он выходил из комнаты, Сара и бабушка удовлетворённо улыбались друг другу, а затем сверлили Кеплера взглядом до тех пор, пока он не уходил.

Кеплер от всего сердца радовался за Йенса, познавшего радости отцовства. Но у него было чувство, что сам он теперь оказался за пределами мира своего брата. С тех пор как Йенс держал в руках новую жизнь, убийство в целом и профессия Кеплера в частности стали для него совершенно неприемлемы. И он сам, как бывший наёмник, судя по всему, тоже. Йенс никогда ничего не говорил, но и не скрывал своего неприятия. Однажды за обеденным столом бабушка решила расспросить Кеплера об Африке; Йенс не просидел и двух минут, встал и ушёл с уязвлённым и брезгливым выражением лица. Кеплер смирился с тем, что теперь он имел для брата значение лишь из-за их биологического родства.

На самом деле Кеплеру было всё равно: с подобным отношением он сталкивался не в первый и уж точно не в последний раз. Неважно, за что солдаты проливали кровь, их всегда в этом обвиняли, даже если это была их собственная кровь. Многие на этом ломались или меняли свои убеждения на прямо противоположные. Для самого себя Кеплер такой опасности не видел, просто ему впервые было непривычно с этим справляться, потому что неприятие исходило от его собственного брата. Но на самом деле ему было всё равно.

Потому что бабушка по-прежнему, несмотря ни на что, любила его безоговорочно.

И потому что Сара его тоже любила.

Но, судя по всему, она опасалась, что неприязнь Йенса могла быть обоснованной.

В одну из тёплых суббот она устроила семейный обед с грилем в бабушкином саду. Кеплер и Йенс при этом, как обычно в последнее время, избегали друг друга, но день всё равно выдался хорошим. После того как бабушка ушла спать, Сара отправила мужа с малышом домой, а сама осталась с Кеплером. Какое-то время они неспеша пили пиво, затем Кеплер закурил сигарету. Сара сморщила нос, потому что дым потянуло в её сторону.

— Дирк? — нерешительно начала она. — Что ты на самом деле делал в Африке?

Кеплер посмотрел на неё и, подавшись внезапному порыву, начал рассказывать. Он начал с того, почему ушёл из Бундесвера, как произошла та драка и как он работал на Ворлд Вижн. Он рассказал, что при этом чувствовал, о своём негодовании и чувстве бессилия, которое всё сильнее съедало его изнутри.

— Я не могу этого понять, — перебила его в какой-то момент Сара.

Она сказала это виновато, но вместе с тем недоверчиво и с непониманием. Катрин была права: если ты там не был, то не сможешь этого осознать.

— Думаю, я смогу тебе это показать. — Кеплер встал. — Подожди немного.

Тихо и осторожно, чтобы не разбудить бабушку, он пошёл в свою комнату. Но под дверью бабушкиной комнаты он увидел свет и услышал её тихий голос, вот только слов разобрать не

смог. Он удивлённо остановился, пока не вспомнил. Перед сном бабушка молилась, как делала всю свою жизнь.

Кеплер взял ноутбук и DVD-диск Катрин и вернулся обратно. Потребовалось некоторое время, чтобы компьютер загрузился и открыл диск.

В меню были сотни фотографий и одна папка. Кеплер развернул первое фото на весь экран, посмотрел на него и придвинул свой стул к стулу Сары.

— Вот, может, так тебе будет понятнее.

В силу своей профессии Кеплер был очень хорошим наблюдателем, и в Африке он пробыл гораздо дольше, чем Катрин, но некоторые вещи он никогда не воспринимал так, как удавалось ей. Только теперь он понял то, что тогда лишь видел.

Например, глаза старой женщины-нуба, смотревшей мимо объектива куда-то вдаль. Хотя её лицо частично скрывала тень от хижины, Кеплер разглядел в них радость от полученной малости денег и уязвлённую гордость от того, что она в них нуждалась; надежду на то, что белый человек поможет ей и её народу; глубокую решимость сделать это самой и бессилие от невозможности это осуществить. Или глаза девочки, которая, должно быть, впервые в жизни смотрела в фотокамеру. В них читалось детское любопытство — и понимание жизни, которого никогда не должно быть в глазах шестилетнего ребёнка.

Катрин умела запечатлеть на плёнке душу мгновения: честно, без прикрас, прямо. Словно она обладала магическим взглядом, способностью видеть правду, скрытую за сюжетом — и показывать её. Её фотографии производили неподдельное впечатление, потому что не были постановочными. Катрин замечала то, что оставалось скрытым от других. Но в Африке это скрытое было не только прекрасным, и с этим Катрин не смогла справиться. Поэтому её душа кровоточила и отчаянно кричала. Магия Катрин стала её проклятием.

Кеплер посмотрел на Сару. Ещё час назад она смеялась и подкалывала его, а теперь в её глазах блеснули слёзы. Сара взяла его за руку. Она сжимала её всё сильнее по мере того, как смотрела фотографии. Закончив смотреть, она откинулась на спинку стула и несколько раз глубоко вздохнула с закрытыми глазами.

— Эти фотографии просто ошеломляют. Когда я на них смотрю, я вижу... — она подыскивала подходящие слова, — саму жизнь. Я её не понимаю и не осознаю, но я её вижу.

— У меня то же самое, — с благоговением ответил Кеплер. — Я видел то же, что и Катрин, но никогда так не воспринимал.

— Нет, — возразила Сара. — Воспринимал. Своим сердцем. Просто для твоих глаз всё происходило слишком быстро, и у тебя нет навыка это осознавать. — Она слегка улыбнулась. — Я бы и с оптикой промазала, а для тебя ничего не стоит поразить цель на расстоянии тысячи метров. Это тоже искусство.

Кеплер покосился на неё.

— Не-а. Я всего лишь злой, ловкий ремесленник.

— Но фотография — это тоже ремесло.

— Только не это, — возразил Кеплер. — Катрин — корифей. Мне нужно знать и рассчитывать. А она способна увидеть это сразу, за долю секунды.

Сара улыбнулась. Казалось, его безоговорочное признание и восхищение мастерством Катрин были приятны Саре, словно она принимала их от её имени. Словно она чувствовала духовную связь с Катрин, хотя никогда её не видела. За это Кеплер был бесконечно благодарен своей невестке.

— Кто такая эта Катрин, Дирк?

Кеплер на мгновение замешкался.

— Пожалуй, самое прекрасное воспоминание в моей жизни.

Сара прищурившись посмотрела на него; она знала его более чем хорошо.

— Да она любовь всей твоей жизни, идиот. Она — яркая звезда, озарившая твоё жалкое существование.

— Она ею была, Сара, — ответил Кеплер. — Всё давно в прошлом.

Сара покосилась на него.

— Ещё чего. Ты просто утешался с другими, вот и всё.

— Не ищут утешения, когда не в чем утешаться, — нравоучительно произнёс Кеплер.
— В лучшем случае — просто отвлекаются.

— Это заявление — лишь попытка красноречиво замаскировать твоё отчаянное самоуничижение, — набросилась на него Сара.

— Ты же помнишь про мою бесчувственность? — напомнил ей Кеплер.

— Я говорю серьёзно, — одёрнула его Сара.

— Я тоже. А что мне ещё остаётся делать?

— Встань и иди искать её, ты, циничный бетонный чурбан!

— Я сделал. Но она уже нашла свою истинную любовь.

— И поэтому ты выбросил её из головы? — допытывалась Сара.

— Ясное дело, — сказал Кеплер, пожал плечами и кивнул.

— Окончательно? Ты в этом абсолютно уверен? — переспросила Сара.

— Эй, мышонок, я годами таскал с собой устройство для окончательных решений длиной метр сорок. Если кто здесь и понимает в слове «окончательно», так это я.

По его тону Сара поняла, что он не намерен больше говорить ни о Катрин, ни о чувствах; всё уже было сказано, если вообще было что сказать. Но Сару интересовала и вся его история в целом.

— И что ты делал с этим самым устройством окончательности, кроме того, что таскал его с собой?

Кеплер продолжил свой рассказ. Сара больше его не перебивала. Видимо, теперь она понимала, почему он отчаялся от невозможности помочь, почему отбросил большую часть того, чему его учила бабушка, почему убивал ради того, чтобы позаботиться о нуждающихся людях. Кеплер ничего не утаил. Он не гордился своими поступками, но с его помощью у людей были мир и перспектива. А затем всё это исчезло из-за нескольких лишних долларов, и он был не в силах этому помешать. Рассказав о том, почему он убил Абуди, он прикурил сигарету. То, как Коби выследил его, и бой с пиратами он описал всего в нескольких словах.

— Скольких людей ты убил, Дирк?

Кеплер выдохнул дым и посмотрел на Сару.

— Почти четыре... — Он осёкся. — Очень многих.

— А ты кого-нибудь казнил?

— Некоторых.

— Кого? — потребовала ответа Сара.

— Коби, пиратов, двух наркоторговцев.

— И того мальчика...

— И мальчика, да, — прямо сказал Кеплер. — Я всадил ему в грудь девять пуль, ещё до того, как он упал на землю.

— Сколько ему было лет?

— Может, тринадцать.

— И он был ребёнком-солдатом?

— Да.

— Ты когда-нибудь убивал мирных жителей?

— Никогда, Сара, — твёрдо ответил Кеплер. — Я солдат, а не мясник; я убивал, но не совершал убийств. Вы с бабулей научили меня, что правильно, а что нет. Я застрелил Абуди, чтобы не пришлось убивать невинных.

— И думаешь, его преемники оставили людей в покое?

— Нет, — зло ответил Кеплер. — А что, что бы ты сделала на моём месте? — Сара отвела взгляд и промолчала. — Я верил, что замысел Абуды сработает, и ради этого был готов умереть, — тихо сказал Кеплер. — Без цели моя жизнь не имеет смысла, но и моя смерть тоже никому бы не принесла пользы, а я не хотел выбрасывать свою жизнь на ветер ради пусть и благородной, но бессмысленной причины. — Он посмотрел на Сару. — Каждую ночь мне снится, что мне не нужно было стрелять в Абуду, что он не сделал бы этого. А потом я просыпаюсь. — Воспоминание о роковом дне в миссии в очередной раз сдавило ему грудь. — Иногда меня это мучает. Не то, что я убил, а то, что в конечном счёте я ничего не добился. — Он опустил глаза. — Наверное, мне лучше было бы остаться там. Тогда я был бы сейчас мёртв, и мне не пришлось бы об этом думать.

Сара с сочувствием посмотрела на него.

— Никогда больше такого не говори. Ты не потерпел неудачу. Насколько я поняла, на территории Абуды было безопаснее и лучше, чем где-либо ещё в стране. В этом была и твоя заслуга. Ты не виноват в том, что Абуды изменился. Ты кое-кому помог. — Она положила свою маленькую ладошку на плечо Кеплера. — Вспомни о Катрин.

— Мысль о ней заставляет меня жить дальше. Вот только не знаю, надолго ли меня ещё хватит.

Они молчали, пока на них опускалась темнота. Кеплер смотрел на остывающие угли в гриле и хотел лишь одного — найти своё избавление.

— Тебя ранило? — спросила Сара, указывая на жилет.

После возвращения Кеплер снова пришил эмблему Крысиной бригады на жилет, в нескольких сантиметрах от отверстия, оставленного пулей, которая попала в него в миссии. И хотя Кеплер добросовестно зашил дыру, женщина всё равно такое замечала.

Сара испуганно посмотрела на него, когда Кеплер сказал, что в него попала пуля из АК. Он успокоил её, сказав, что от этого остался лишь чудовищных размеров синяк. Сара спросила, был ли это единственный раз. Кеплер ответил отрицательно, вспомнив, что если бы в Судде он повернулся в другую сторону, то, вероятно, пуля не задела бы его руку. Но в конечном счёте это было неважно — он остался жив.

— Было больно? — спросила Сара.

— Не особо.

— Можно посмотреть на рану?

Кеплер снял жилет и рубашку. Шрам был едва заметен в тусклом свете настольной лампы, падавшем в сад из окна. Сара протянула руку и дотронулась до молочно-белой кожи. Её маленькие пальчики осторожно и нежно скользнули по ней.

— Я рада, что ты вернулся, Дирк, — просто сказала Сара. — Кеплер удивлённо уставился на неё. — Что такое? — спросила она.

— Я всегда легко справлялся с осознанием того, что совершил. Но на самом деле это было извращением, потому что у меня не получалось творить добро иначе, кроме как с пушкой в руках. По этой причине я прекрасно понимаю Йенса. — Кеплер перевёл дух. — А вот тебя я не понимаю. Ты выслушала меня и всё равно не выгнала из дома. — Он посмотрел на невестку со всей любовью, на которую был способен. — Спасибо тебе.

Сара взяла его за руку и посмотрела на него.

— Я ведь люблю тебя, мой малой, — прошептала она.

Глава 4

Бабушка была чудесной женщиной, но иногда забывала, что Кеплер всё-таки уже не мальчик. Возможно, это было связано с тем, что теперь только он один жил с ней. Бабушка привыкла постоянно видеть кого-то вокруг себя, а сын Йенса находился в пределах её досягаемости далеко не всегда. Вероятно, именно поэтому старая дама решила нянчиться с Кеплером с утра до вечера.

Он терпел её заботу два дня, а потом не выдержал. Чтобы удержать бабушку от благонамеренных посягательств на его жизнь, он объявил, что собирается искать работу. Бабушке это очень понравилось; вероятно, именно этого она и добивалась. Она оставила его в относительном покое.

Сначала Кеплер хотел расслабиться и пустить всё на самотёк. Но потом он перестал доверять бабушке: она слишком уж смотрела на него так, как в былые времена. Не со зла, а словно замышляя какой-то сюрприз, как будто хотела взять его жизнь в свои руки и насильно осчастливить. Кеплер задавался вопросом, что она, собственно, задумала, но ему не приходило в голову ничего, что она могла бы предпринять. Вот только... его беспокойство никуда не делось. Ведь бабушка просто хотела пристроить его к работе, приобщить к старой немецкой добродетели.

По этой причине Кеплер добросовестно обзванивал все возможные варианты, пока не нашёл кадровое агентство, которое занималось людьми с его квалификацией. Сам он не ждал от этого многого — в отличие от бабушки. Кеплер договорился о встрече и поехал в Мюнстер, где находилось агентство.

Консультант представил ему ряд возможностей. Кеплер хотел вернуться в Бундесвер, в крайнем случае — вольнонаёмным служащим в Военно-техническое ведомство. Однако для этого он был слишком стар: туда не брали никого старше тридцати двух лет. Кеплер решил, что если бабушка останется верна себе и не отстанет от него с этим делом, он всё равно попробует обратиться в ВТВ через своего бывшего командира. Другой возможностью была работа в Хеклер и Кох, Вальтер или у любого другого производителя оружия. Для таких предприятий его африканский опыт мог оказаться полезным. Консультант подтвердил эти соображения, однако не проявил излишнего оптимизма, что Кеплеру понравилось. Он поблагодарил за идеи и предложения и договорился с консультантом, что тот установит для него соответствующие контакты. На этом беседа завершилась.

Трасса Б54 была забита, Кеплер продвигался с трудом, и ему казалось, что он собирает все красные светофоры. Вместо обычных тридцати минут путь домой занял у него битый час.

Он остался сидеть в машине, раздумывая, есть ли у него желание смотреть телевизор. В совместном просмотре с бабушкой были свои плюсы, но она наверняка захочет посмотреть какой-нибудь сентиментальный фильм о родном крае по третьему каналу или любовную мелодраму. А поскольку старая дама владела пультом безраздельно и абсолютно, Кеплер, после долгих колебаний, решил отказаться от совместного телевечера.

Он поехал дальше, в Райне, в Ситикино, и посмотрел там боевик. Фильм начался в десять вечера и закончился около полуночи, и оказался не слишком хорош. По пути домой Кеплер жалел о том, что всё-таки не остался посмотреть телевизор с бабушкой.

В кухне, что было необычно для этого времени, горел свет, и Кеплер услышал два женских голоса. Приличия, которые бабушка годами с трудом ему привила, требовали, чтобы он поздоровался с гостями.

Но в дверях кухни он замер как вкопанный. Потому что за столом за чашкой чая сидела бабушка — вместе с Мелиссой.

Кеплер не забыл красивую женщину-прокурора, которая допрашивала его после возвращения из Судана. Поскольку она не дала о себе знать, он решил, что отпугнул её на их частной встрече в баре. Но Мелиссе, судя по всему, просто понадобилось немного времени на раздумья. При этом она, казалось, последовательно подходила к последствиям своих решений. По крайней мере, настолько, что теперь оказалась здесь.

Женщины не услышали, как он вошёл: они были погружены в изучение фотоальбома. Если бабушка показывала незнакомому человеку семейные фотографии, да ещё и с блестящими глазами рассказывала байки о каждой из них, значит, этот человек ей весьма пришёлся по душе. Кеплер был ошарашен. Обычно бабушка была весьма скупа на подобные проявления благосклонности. А сейчас она получала массу удовольствия, это Кеплер видел отчётливо. Короткий укол ревности пронзил его при виде раскрасневшихся щёк бабушки. И всё же он как замороженный прислушивался к разговору.

— Он всегда был таким... каким-то квадратным? — как раз спросила Мелисса.

— С тех пор, как занимается этим своим невыносимым каратэ, — сообщила ей бабушка.

Кунг-фу, мысленно поправил Кеплер.

— И как давно? — поинтересовалась Мелисса.

— Лет с восьми или девяти.

С девяти, безмолвно напомнил ей Кеплер. *Что, бабуля, вытесняешь воспоминания?*

Мелисса тем временем внимательно рассматривала какую-то фотографию.

— Он выглядел таким милым. Вот только смотрел уже тогда так же угрюмо, как и сейчас.

— Если он что-то и умеет делать хорошо, так именно это, — подтвердила бабушка.

Класс, бабуля, спасибо, едва не поперхнулся Кеплер.

— И больше ничего? — с улыбкой спросила Мелисса.

— Ну почему же, — наигранно неохотно признала бабушка. — Он умён, очень начитан, говорит на десяти языках...

На двенадцати с половиной, поправил Кеплер.

— ...это его каратэ...

Кунг! Фу! Всё ещё кунг-фу! Но прошло ведь всего двадцать пять лет, она ещё выучит, обязательно выучит, тут же успокоил себя Кеплер.

— ...он умеет очень хорошо... — засвидетельствовала бабушка.

Премного благодарен, оценил Кеплер её вынужденную объективность.

— Он был хорошим солдатом, — серьёзно продолжила его бабушка.

Кеплер ошеломлённо уставился на неё. То, что она зачала ему это как добродетель, его всё-таки удивило.

— И сердце у него на месте.

Эту фразу бабушка произнесла не задумываясь и убеждённо.

— У него было много девушек? — поинтересовалась Мелисса.

О-о, встревоженно подумал Кеплер.

— Несколько, — ледяным тоном ответила бабушка, причём в этом явно сквозило «слишком много».

Сейчас начнётся, предположил Кеплер.

От Мелиссы не ускользнула перемена в голосе бабушки. Она с интересом посмотрела на неё. Но той не требовалось поощрения. Словно сорвавшись с цепи, она начала перечислять все неловкие ситуации, в которые Кеплер когда-либо вляпывался в своих отношениях. Когда она заговорила о Монике, он решил вмешаться: дело принимало слишком личный оборот. Кроме того, подобное могло снизить его шансы с Мелиссой.

Он кашлянул. Бабушка удивлённо осеклась. Впрочем, она и Мелисса довольно спокойно повернули к нему головы. Взгляд бабушки был насмешливым и каким-то нечитаемым.

— Привет, — непринуждённо сказала Мелисса.

— Привет. Что ты здесь делаешь? — резко осведомился Кеплер.

— Внучек, разве так встречают дорогих гостей? — тут же возмущённо спросила бабушка.

Кеплер проигнорировал её взгляд и продолжал выжидающе пялиться на Мелиссу. Она обворожительно улыбнулась ему.

— Я подумала, зайду, посмотрю, как у тебя дела.

— Просто так? — язвительно усомнился Кеплер. — Да ещё и пешком?

— Нет, — ответила Мелисса. — Я приехала на поезде.

— Почему ты не позвонила? Я бы с удовольствием встретил тебя на вокзале.

— Я хотела сделать сюрприз. Думала, ты обрадуешься.

— Внучек... — предостерегающе протянула бабушка, потому что Кеплер на секунду замолчал.

— Я рад, — ледяным тоном заявил он в ответ. — Безумно.

— Тогда иди сюда и садись уже, — велела бабушка.

Кеплер повиновался под насмешливым, слегка оценивающим взглядом Мелиссы. Он также видел, что она лишь с трудом сдерживает смех.

— Ну, продолжай, — предложил он.

— Что продолжать? — спросила Мелисса, невинно взмахнув ресницами.

— То, чему ты научилась у бабули. Упрекни меня в чём-нибудь, в инфляции или в плохой погоде. — Кеплер выдержал паузу. — Но, вообще-то, вы, женщины, не можете по-другому, это у вас врождённое, да? Только вот — мы тоже не виноваты.

Мелисса не выдержала и прыснула. Кеплер бросил на бабушку предостерегающий взгляд, прежде чем она успела что-либо сказать. Она посмотрела в ответ как ни в чём не бывало.

— Внучек, хочешь чаю? — осведомилась она.

— Ага. И печенье, — буркнул Кеплер. — С Нутеллой.

— Ох, божечки. — Бабушка, качая головой, встала. — Какие мы сегодня невыносимые.

— Если ты сейчас используешь плюралис маэстатис — да, Мы таковы, — парировал Кеплер. Бабушка с улыбкой поставила перед ним чашку чая и шоколадную пасту. — Спасибо, бабуля, — сухо поблагодарил он.

— Вот он такой, — покорно пожаловалась она Мелиссе. — Я же говорила.

— Он не та-а-ак уж и плох...

— Да, — наигранно неохотно согласилась бабушка, — с ним можно иметь дело.

— Эй, я вообще-то ещё здесь, — вмешался Кеплер. — Перемывайте мне косточки за моей спиной, а не когда я здесь. Мелисса и бабушка рассмеялись в унисон. Он посмотрел на свою бабушку. — Бабуль, иди спать, а. Я отлично справлюсь с тем, чтобы опозориться, и в одиночку. После твоей подготовительной работы — уж точно.

— Именно это я и собираюсь сделать, — высокомерно поставила его в известность бабушка.

В дверях она обернулась и предостерегающе посмотрела на него. Кеплер бросил взгляд на Мелиссу, которая тут же слегка порозовела, и невозмутимо уставился на бабушку.

— Но телевизор-то нам хоть можно вместе посмотреть? — осведомился он.

— Только государственные телеканалы, — сжалась бабушка.

— Там в это время иногда тоже показывают довольно пошлые вещи.

Бабушка без труда выдержала его взгляд. С предостерегающе поднятыми бровями.

— Дирк, — только и сказала она.

Ей всегда нужно было оставить за собой последнее слово. Но у Кеплера, собственно, больше не было никакого желания бунтовать, без этого проблемы решались куда лучше.

— Ладно-ладно, бабуля.

— Не засиживайтесь допоздна, — добавила бабушка. — Твой чай остынет, внучек.

— Спасибо, бабуля, — ещё раз поблагодарил Кеплер.

В большей степени за то, что в необъяснимом порыве неземного милосердия она не напомнила ему о завтрашней обязанности сходить за покупками. Он знал, что этот щедрый жест ему придётся отрабатывать втройне. Бабушка подтвердила его догадку кивком и исчезла.

Мелисса подождала, пока она не скроется из пределов слышимости.

— Она такая же прямолинейная, как и ты, — всё-таки довольно тихо заметила она затем.

— Наоборот, — поправил Кеплер. — Она — мой образец для подражания.

— Она имеет что-то против меня? — нерешительно спросила Мелисса.

— Нет, ты ей нравишься.

— Правда?

— Ну конечно, — отмёл её сомнения Кеплер. — Она показала тебе эти фотографии. Она не делает этого с каждым, кто сюда случайно забредает.

— Почему тогда она так против? — удивлённо спросила Мелисса.

— Бабуля — консервативная католичка. У неё ничего не бывает без свидетельства о браке.

Этот ответ, похоже, не особенно понравился Мелиссе.

— А почему с твоим братом всё иначе?

— Нет, и никогда такого не было. Ей просто понадобилось чуть больше двадцати лет, но в конечном итоге она победила: Йенс и Сара теперь женаты, — прояснил Кеплер. — Бабуля побеждает всегда.

— А-га, — прокомментировала Мелисса.

Это прозвучало разочарованно. Кеплеру это понравилось.

— В некоторых вопросах у меня перед бабулей иммунитет, — заверил он.

— И почему же? — поинтересовалась Мелисса.

— Э-э... выражаясь мягким языком бабули: я был и остаюсь сорванцом.

— Она этого не говорила.

— А рассказывала обо мне только хорошее, насколько я её знаю, — предположил Кеплер.

— Да, именно.

— И ты не сбегашь? Чего же такого она наговорила?

— Много чего.

— Что-то из этого должно было произвести на тебя впечатление.

— Да. — Мелисса улыбнулась. — То, что она намекнула, будто ты её боишься.

— Редко, — тут же прояснил Кеплер. — Но уж если, то основательно, — честно добавил он.

— И поэтому ты всегда её слушаешься, — продолжала провоцировать Мелисса.

— Нет — часто.

— Ага. — Во взгляде Мелиссы заиграли озорные искорки. — И что же мы теперь будем делать?

— Пойдём ко мне в комнату и сыграем в игру.

— В Монополию, что ли?

— Не-а. — Кеплер с жалостью посмотрел на неё. — В карты.

— Да ну? — Мелисса явно опасалась чудовищной ловушки. — И во что же?

— Как — во что же? В покер на раздевание, конечно, во что ещё.

— Ты в него хорошо играешь? — Мелисса скорее предположила, чем спросила.

— Ясное дело.

— Но я не умею играть в покер, — попыталась Мелисса предотвратить беду.

— Раньше я был хорошим инструктором, — успокоил её Кеплер. — Я буду тебя направлять и уберегу от самых грубых ошибок.

— Огромное спасибо, — скептически отозвалась Мелисса.

— Всегда пожалуйста.

— У меня вообще есть шансы? — допытывалась Мелисса.

— Смотря на что.

— На победу?

— Не, — лаконично и честно ответил Кеплер.

— А мне-то что с этого? — потребовала ответа Мелисса.

— Ты научишься играть в покер, — сказал Кеплер. — А когда ты будешь сидеть без всех этих изделий текстильной промышленности, я увижу кое-что очень красивое.

Мелисса на мгновение быстро моргнула, затем снова взяла себя в руки.

— Ты, конечно, умный, но твоим комплиментам не хватает лоска.

— У меня есть другие достоинства, — заявил Кеплер.

— Значит, ты собираешься выиграть, да?

— Не-а — я выиграю.

— Вот как, — протянула Мелисса. — И что же, скажи на милость, ты будешь делать с выигрышем? — Кеплер уставился на неё. Но её взгляд больше не был лукавым. — Ты собираешься нарушить бабулин запрет? — спросила она.

— Естественно. Мой избирательный иммунитет в основном и касается этой самой вещи.

— Разве комната твоей бабули не прямо по соседству с твоей?

— Я разведчик. Даже ты не заметишь, как я проведу тебя в кровать.

— Ты не думаешь о бабулиной каре?

— Неее, — ответил Кеплер. — В данный момент я думаю о совершенно другом.

Он встал и взял Мелиссу за руку. Но она не дала себя поднять, а лишь серьёзно на него посмотрела.

— Ты, я погляжу, довольно уверен в своём успехе.

— Мел. — Кеплер не выпускал её руку. — Ты неделями не даёшь о себе знать, а потом вдруг объявляешься здесь, рассматриваешь с моей бабушкой пожелтевшие фотографии и ждёшь меня. Кстати, как долго?

— Я приехала на восьмичасовом поезде.

— Ого. — Кеплер усмехнулся. — Я уверен.

Но она не встала и при его следующей попытке поднять её.

— Но я так не могу. Мне уже не семнадцать, и у меня нет никакого желания прятаться от твоей бабули. Во-первых, она это запретила, а во-вторых, она наверняка сидит под дверью, вооружённая метлой, и поджидает нас.

Кеплер почесал лоб.

— А ведь ты вполне можешь оказаться права. — Он усмехнулся. — Тогда я, как истинный кавалер, которого бабуля с таким трудом из меня воспитывала, совершенно прилично провожу тебя домой. — На этот раз Мелисса встала, как только он слегка потянул её за руку. Она обвила руками его шею и поцеловала. Он ответил на поцелуй с такой силой, что она застонала. — Мел, пожалуйста, потише, — пробормотал он.

Она возмущённо оттолкнула его от себя. Кеплер проигнорировал это и попытался целовать её дальше. Мелисса безжалостно толкнула его в сторону двери.

Почти двадцать минут они ехали молча. Кеплер видел, что Мелисса хочет о чём-то заговорить, но не решается.

— Говори, что думаешь, жизнь слишком коротка для невысказанных мыслей.

— Ты живёшь с бабушкой. А ты нравишься мне как мужчина, а не как мальчик.

— Я уже ищу себе квартиру.

Мелисса коротко улыбнулась, затем задумчиво посмотрела в темноту за боковым окном. Вдруг она положила свою руку на руку Кеплера, лежавшую на рычаге переключения передач.

Этот жест стал для него маленьким чудом. Поэтому он не был разочарован тем, что Мелисса не пригласила его зайти. Её прощальный поцелуй сам по себе служил достаточным обещанием.

Вернувшись к машине, Кеплер обернулся. Мелисса всё ещё стояла в дверях, и в тусклом свете лампы над входом казалось, что она готова передумать. Кеплер не стал дожидаться результата её раздумий, коротко махнул рукой и сел в машину.

Улицы были пусты. Кеплер включил круиз-контроль и позволил Ауди плавно скользить вперёд. Тем не менее он быстро добрался до дома.

И он действительно услышал, как бабушка ворочается в постели, когда крался мимо её двери. Он довольно усмехнулся. Ещё никогда он не лишал бабушку сна тем, что слушался её.

В приподнятом настроении он лёг в свою чистую, мягкую постель.

Быстро отключаться и успокаиваться он и впрямь умел очень хорошо. Но он был снайпером. И прошло ещё слишком мало времени, чтобы он мог спать, не оставляя часть своего разума бодрствовать, пока тело восстанавливалось. На войне такая дремота спасала жизнь, потому что иногда приходилось стрелять в любую секунду. Или потому, что после этого просто оставались силы ещё день или два лежать в засаде.

Пока часть его разума погружалась в сон, Кеплер задавался вопросом, почему его воспоминания об Африке в часы бодрствования всегда сводились лишь к прекрасному: к игре красок на небе в сумерках или к смеху маленьких детей. И почему по ночам приходили другие образы. Не образы радующихся людей, которые встречали их, когда они освобождали их деревню. А всегда лишь картины конца. Когда он ещё верил и сражался, хотя было уже давно слишком поздно.

Последняя боевая операция провела его и пятерых его людей через все владения Абуди. Они проинспектировали оставшиеся группы Крысиной бригады, укрепили их боевой дух и мужество. Группы действительно проделали отличную работу, и четыре подразделения в совокупности потеряли только одного бойца.

Но Вторая группа за три недели потеряла четверых. На южной границе владений Абуди сколотилась банда из дезертировавших правительственных солдат, которая теперь разоряла целые районы. Этот отряд численностью всего в сотню человек мародёрствовал в округе и ускользал от подразделений Абуди. Вторая группа за считанные дни уничтожила треть банды. Но когда Кеплер добрался до базы группы, та оказалась пуста.

Бойцы вернулись вечером. С пустым оружием — лишь в пистолетах ещё оставались заряженные магазины — с сурово искажёнными лицами, больше не способными ни на какие эмоции. Грязные, в разорванной, перепачканной кровью одежде, они выстроились в шеренгу перед Кеплером, который выбежал им навстречу. Он отдал честь в ответ и отмахнулся, когда лейтенант собирался доложить обстановку, после чего отправил бойцов приводить себя в порядок и есть.

Сам же он так и остался стоять, в свете вечерних сумерек глядя на двух мёртвых товарищей, которых Вторая группа вынесла из-под огня...

Кеплер встал и подошёл к окну. Спал он недолго, утро только занималось. Кеплер стоял, смотрел наружу и хотел, чтобы воспоминание о мягкой коже Мелиссы не рассеивалось так же быстро, как утренняя серость над крышами маленького городка за окном.

Мелисса была незаслуженным шансом. Но шансом на что именно, и что ему с этим делать — или что он вообще мог сделать — Кеплер не знал. В данный момент у него просто плохо получалось осознавать происходящее. Сначала ему нужно было освоиться в этой новой жизни, а также заново научиться правильно вести себя с женщиной. Не потому, что он боялся Мелиссы. Он боялся за неё. Потому что, если не произойдёт чуда, он и на этот раз всё испор-

тит, это был лишь вопрос времени. Он не знал, что ещё можно предпринять, кроме как действовать не спеша, чтобы по возможности не наделать ошибок. Единственное, что вселяло в него некоторую уверенность, — это то, с какой готовностью бабушка приняла Мелиссу.

И, в конце концов, он был жив. Всё могло даже наладиться.

Глава 5

Чем больше времени проходило, тем отчётливее Кеплер чувствовал, что любовь брата к нему борется с неприязнью. Он не был в обиде на Йенса, но и не хотел постоянно терпеть его укоризненные взгляды за то, что не испытывал раскаяния из-за своих действий в Африке. А поскольку Йенс почти каждый день бывал у бабушки, пусть даже всего на полчаса, Кеплер решил дистанцироваться. Из-за Мелиссы он взялся за это ещё более целеустремлённо.

Но он хотел найти себе такое жильё, которое по-настоящему придётся ему по душе, чтобы через пару месяцев не пришлось искать что-то другое. Проблема заключалась в том, что он не знал точно, что именно ему нужно, чтобы возникло это чувство. В Штайнфурте и его окрестностях он чувствовал себя как на ладони. Город был ему слишком знаком, и здесь ни к одной из квартир у него не лежала душа. Он скучал по Африке. Ему не хватало джунглей и саванны, их оторванности от мира и их звуков, и чувства свободы. Там он мог быть предоставлен самому себе, хотя всё вокруг было полно жизни.

Наверное, Кеплер поехал в Киль только потому, что там жила Катрин.

Жизнь этого города определялось морем, бесконечная ширь которого каким-то магическим образом притягивала Кеплера. Он не поехал в центр, а припарковал машину неподалёку от Кильского фьорда и пошёл пешком в сторону Внешнего фьорда — туда, где он переходил в Кильскую бухту.

Портальные краны верфи ХДВ перемещали грузы над наполовину готовым корпусом строящегося судна, и Кеплер некоторое время наблюдал за ними. Затем он пошёл дальше, пока не добрался до маяка. Перед бело-красным зданием Кеплер остановился и огляделся. Внутри у него возникло какое-то необъяснимое, щемящее чувство. Он повернул назад и свернул к порту.

У причалов стояли паромы и круизный лайнер АИДА. Когда Кеплер проходил мимо них, на него нахлынули воспоминания о Момбасе.

Не прошло и двух месяцев с тех пор, как он там был, но ему казалось, словно всё это произошло в другой жизни. Впрочем, это и была другая жизнь. В кенийском порту, который был далеко не таким чистым и опрятным, он чувствовал себя живым, несмотря на то, что находился в бегах, что смерть дышала ему в затылок и он не знал, удастся ли ему вообще когда-нибудь вернуться в Германию. А теперь он больше не был в Африке. Ему больше не грозила опасность. Он мог наслаждаться беззаботной жизнью. Но только — он не чувствовал себя дома. Время прошло, только и всего. Кеплер размышлял о том, как ему жить дальше, какая роль в этом отведена Мелиссе, и сможет ли он с ней снова обрести чувство того, что живёт по-настоящему. Но ответа не находил.

Через Кильский порт проходило мало грузов, он имел значение почти исключительно для паромного сообщения. По этой причине здесь стоял лишь один-единственный контейнеровоз. В стороне, словно эта рабочая лошадка стеснялась находиться рядом со своими блестящими собратьями, которые перевозили людей.

Почувствовав слабый запах солёной воды и глядя на океанского гиганта, Кеплер ощутил бесконечную тоску. Она терзала его, он хотел оказаться на этом судне и уплыть. Это была не просто тяга к дальним странствиям. Катрин была права: Африка не отпускала. Он хотел вернуться туда. Как домой. Он замер на краю дороги и отрешённо уставился на воду. Его дыхание было ровным, голова — ясной и пустой. В таком состоянии — в своего рода рассеянной концентрации, похожей на сон наяву, — он раньше выслеживал цель. Он стоял и тосковал по тем часам, которые проводил вот так, с винтовкой.

Ещё один контейнеровоз величаво и медленно проплыл мимо него. Гудок судна коротко взревел — океанский гигант прощался с портом. Кеплер непроизвольно вскинул руку в знак приветствия. Несколько прохожих удивлённо посмотрели на него, но ему было всё равно: его взгляд был прикован к медленно удаляющемуся судну. Как ни глупо это было, ему казалось, что вместе с кораблём от него ускользает и какой-то шанс. Так же, как тогда, когда Аэробус увёз с собой Катрин. Кеплер знал, что не только никогда не сможет забыть ни её, ни Африку — он всегда будет по ним скучать.

Несмотря на Мелиссу. Кеплер надеялся, что в скором времени всё изменится, что зарождающиеся отношения с ней — это шанс на то, чтобы его жизнь снова обрела смысл. Но в данный момент он его просто не видел. Подавленный, он отвернулся и быстрыми шагами покинул порт. Вместо того чтобы поехать в центр Киля, он отправился домой.

Он был не в состоянии забыть Африку. Ничто не могло заставить его забыть этот континент. Африка была частью его жизни, частью его самого, и останется ею навсегда. Ему придётся научиться с этим жить. Убив Абуди, он лишил себя возможности снова туда вернуться. Точно так же, как много лет назад из-за той драки он не смог вернуться домой. Оглядываясь назад, возможно, тюрьма была бы лучшим выбором. Но на самом деле — нет. В Африке у него был шанс. Он не осуществил свою мечту, но был благодарен за то, что она у него вообще была.

Вот только было адски больно.

Глава 6

То, что Мелисса так долго не давала о себе знать, вовсе не было связано с нерешительностью. После закрытия дела Кеплера её полномочия в качестве прокурора закончились, и её назначили судьёй участкового суда в Миндене. Из-за этих перемен у неё просто не было времени.

Кеплера вполне устраивало, что хлопоты, связанные со сменой работы и переездом в Минден, сильно поглощали Мелиссу. Ему нравилась её целеустремлённость, но к ней ещё нужно было привыкнуть. И он не хотел выслушивать советы по поводу поиска собственного жилья. Ни от кого.

Киль напомнил Кеплеру африканские джунгли. В этом городе он каким-то странным образом чувствовал себя свободным и живым. Однако переезжать туда он не хотел. Не потому, что Киль находился далеко от дома и от Мелиссы, а потому, что там он постоянно вспоминал бы о Катрин. Хотя он больше не испытывал боли из-за её потери, он не хотел, чтобы что-то о ней напоминало. Он был рад лишь её последнему подарку — осознанию того, где он хочет жить: в крупном городе. Теперь оставалось только найти такой, в котором внутри него возникло бы то же чувство, что и в Киле.

С этой надеждой он бродил по Билефельду. Хотя в городе было больше жителей, чем в Киле, он не обладал той атмосферой мегаполиса, которой столица земли Шлезвиг-Гольштейн, вероятно, была обязана порту. Оснабрюк был меньше Киля, и в нём было ещё меньше того, чего Билефельду и так катастрофически не хватало. По Мюнстеру ездило слишком много велосипедистов, и в целом город производил на Кеплера впечатление одного большого университетского кампуса. Минден был похож на Билефельд. Кроме того, он находился слишком близко к Мелиссе на случай, если у них ничего не выйдет.

Дальше на юг Кеплер переезжать не хотел, так что оставались лишь Ганновер и Бремен.

Ганновер по ощущениям был уже вполне неплох, но Бремен оказался ещё лучше. В десятом по величине городе Германии были порты. Ни один из них не был похож на кильский, но они придавали городу тот же морской колорит, который так понравился Кеплеру в Киле. Свою тоску по дальним странам он теперь ощущал постоянно, и Бремен казался ему чем-то средним между Килем с его обещанием бескрайних просторов, и Штайнфуртом с его стабильностью.

Цены на недвижимость в ганзейских городах, напротив, были куда менее обнадеживающими, чем на родине Кеплера. Если он хотел получить что-то приличное, ему приходилось снимать квартиру, а не покупать её, иначе процентов не хватило бы на то, чтобы и дальше жить без работы.

Когда Кеплер думал о спокойной работе, о пенсионных накоплениях или о чём-то подобном, его охватывало чувство бессмысленности. Если агентство в Мюнстере предложит что-то стоящее — хорошо. Если нет, Кеплер не собирался заниматься тем, что претило его натуре. Он был солдатом. И единственная попытка пойти против этого в случае с ООН с треском провалилась.

Бабушка считала это противоестественным. И когда Кеплер рассказал о своём намерении переехать в Бремен, ни она, ни Сара не пришли в восторг. К его удивлению, ни одна из них не попыталась его отговорить. Вероятно, они всё же примерно понимали, что творилось у него в душе. После разговора Кеплер почувствовал облегчение, хотя его и задевало то, что брату было абсолютно всё равно.

Благодаря интернету и телефону поиск квартиры не составил труда. Кеплер несколько раз ездил в Бремен смотреть квартиры, но ему ничего не понравилось. С одной стороны, это

его расстраивало. С другой стороны, пока он жил у бабушки, он мог хоть что-то для неё делать; ему хотелось пусть даже немного, но отплатить ей за безграничную любовь.

У поиска квартиры обнаружился положительный побочный эффект: бабушка наконец-то стала позволять ему указывать ей, что делать. По крайней мере, она научилась ценить преимущества лимузина с кондиционером и шофёром, причём на удивление быстро для своего возраста. Кеплер с удовольствием возил её, хотя иногда это отрывало его от поисков квартиры; зато бабушке не приходилось надрываться на своём старом велосипеде. Новый она брать наотрез отказалась. Она успешно пресекала попытки Кеплера отправить её в отпуск, ссылаясь на слабое здоровье. Которое, тем не менее, не мешало ей по-прежнему петь в хоре. Намёки Кеплера, как и прямые заявления о том, что отпуск пойдёт здоровью на пользу, отскакивали от бабушки как от стены.

Она правила своей маленькой семьёй так же твёрдо, как и всегда. Её не смущало, что Йенс и Сара были теперь отдельной семьёй, или что Кеплер был взрослым. Ужин должен был проходить в её кухне, и притом по её правилам. В моменты дурачеств между серьёзными разговорами, когда Кеплер и Сара подкалывали друг друга, бабушка приправляла их колкости язвительными комментариями. Только для того, чтобы в тот момент, когда они полностью расслаблялись, начать всеми командовать. Один должен был мыть посуду, другой — убирать, третий — делать ещё что-то. Тем временем бабушка, блаженно усмехаясь, устраивалась на диване с Робертом на руках. Сара получала его только тогда, когда нужно было кормить, Йенс — только чтобы поменять подгузник. Как только дело было сделано, малыша следовало немедленно вернуть.

У Кеплера не хватало духу настаивать на своей доле общения с мальчиком. Бабушка буквально расцветала, когда правнук был рядом. О Йенсе и Саре она больше не могла заботиться так, как раньше, Кеплер по-прежнему упрямился, поэтому у бабушки был только Роберт.

Но однажды она вдруг сама отдала его Кеплеру. Под её изучающим взглядом он крепко держал племянника. Малыш, который до этого мирно спал, чихая на всё вокруг, проснулся и сначала с подозрением посмотрел на дядю, а затем с широкой улыбкой принялся мять ему нос. Когда Кеплер заглянул в сияющие глаза младенца, с удивлением и несказанной радостью смотревшие на мир, его охватила тоска по чему-то, что он искал всю свою жизнь. Вот только он не знал, что это такое.

Затем радость сменилась страхом за племянника. Он видел много младенцев, у которых не было будущего, даже достойной смерти.

Подозревала ли его семья хотя бы в малейшей степени, насколько она была благословлена? Вероятно, нет. Но бабушка — наверняка.

Маленький мальчик на руках у Кеплера вдруг перестал дёргать его за нос и серьёзно посмотрел ему в глаза. Затем он беззубо и широко улыбнулся. В это мгновение Кеплер понял, что не всё было напрасно.

Вот только почему — этого он осознать не мог.

Этот проблеск тихого чувства облегчения был едва уловим; на следующий день Кеплер уже не ощущал ничего подобного, осталось лишь воспоминание. Это воспоминание, а также воспоминание о чувстве дома и о морщинистой, полной любви руке бабушки, коснувшейся его щеки, когда он уснул на диване в гостиной, — всё это было благословением.

Кеплер задавался вопросом, чем он заслужил это благословение. Катрин писала, что даже её родители не поняли, что с ней произошло. Бабушка тоже не знала, какой была Африка, но она не пыталась поучать его в неведении. Потому что за свою жизнь она пережила достаточно тяжёлых времён. И часто именно он был их причиной. Но она любила его. И Йенса, и Сару, и маленького Роберта. У неё было огромное сердце — у женщины, которая стала матерью для них всех.

Глава 7

В одну из пятниц бабушке стало плохо, и Кеплер повёз её к врачу.

Ожидая в приёмной, он читал журнал Штерн. В журнале был напечатан репортаж, точнее, домыслы, об операции Коммандо специальных сил в Афганистане. Кеплера злил всезнайский тон статьи, и он тосковал по чувству опасности и товарищества, и по тому ощущению, что делает нечто важное. Даже если общество не понимало, почему они шли на войну, рисковали жизнями и были готовы умереть.

После того как бабушка вышла от врача, Кеплер повёз её в аптеку. Поддавшись порыву, он позвонил Мелиссе, отменил назначенную встречу и настоял на том, чтобы куда-нибудь сводить бабушку. Сначала она сопротивлялась, но он не зря был её внуком и тоже умел отлично упираться.

Недолго померявшись с ним силами, бабушка уступила. Взамен Кеплер предоставил ей выбор ресторана.

Еда была традиционной немецкой, и после крошечного бокальчика вина для аппетита бабушка оживилась. Она рассказывала, как в сорок восьмом году раздобыла для семьи на Рождество такой же шницель, какой они ели сейчас.

Кеплер и раньше слышал от неё подобные истории, но тогда не умел их ценить. Теперь же, имея собственный опыт, он мысленно с благоговением склонялся перед бабушкой и другими такими же женщинами, которые после войны заново отстроили страну. Кеплер с изумлением задавался вопросом, откуда у них брались силы быть женщинами, матерями и героинями. Но бабушка черпала силы из того же источника, о котором говорила Мари, умирая на его руках. Бабушка рассказывала без пафоса, при этом даже смеялась, но Кеплер знал, что совершили тогда бабушка и такие же женщины, как она: он вдоволь насмотрелся на ужасы войны. И он также знал, как мало благодарности получили за это эти люди, и как мало уважения выказывали этому поколению его ровесники.

Дома они смотрели телевизор — разумеется, фильм о любви. Бабушка любила и современные фильмы, хотя более или менее скрытая эротика в них была ей ужасно не по нутру. Кеплера это сдержанно забавляло, что раздражало бабушку ещё больше, пока она не раскусила его коварную игру и не отправила его заваривать чай.

Всё было прямо как много лет назад, и они оба по этому скучали. Теперь они возобновили старую игру с новым пылом.

Кеплер принёс ей чай, но поскольку нескончаемая рекламная пауза всё ещё продолжалась, бабушка начала расспрашивать его об Африке. И так же, как Сара, она не могла представить себе тамошнюю жизнь.

Кеплер принёс ноутбук и DVD-диск Катрин. Реклама давно закончилась, но бабушка совершенно забыла про фильм. Она смотрела фотографии с чашкой остывающего чая в руке, и страдала.

— Поэтому Катрин и показалась мне такой израненной, — задумчиво произнесла она. — Она улыбалась только тогда, когда говорила о тебе.

Она замолчала с тяжёлым взглядом.

— На самом деле ты хочешь знать, что я там делал, — догадался Кеплер.

— Я кое-что услышала, когда вы с Сарой разговаривали, — нерешительно и смущённо сказала бабушка. — Я просто хотела взять на кухне стакан воды.

То, что она никогда не стала бы подслушивать, Кеплер знал.

— Что ты хочешь знать?

— Ты убил мальчика? — спросила бабушка уже спокойно.

Кеплер подумал о том, чего ей стоило дожидаться этого разговора.

— В тот день я убил шестнадцать человек. И этого мальчика тоже. Монахини о нём заботились, а он на них напал.

Кеплер рассказал ей, как люди Татуки убили пятерых монахинь.

— Что ты при этом чувствовал? — резко спросила бабушка, когда он закончил.

— Я хотел спасти женщин, но опоздал. Это было лишь справедливо, что этот малолетний убийца и остальные не остались в живых; я не мог позволить им уйти. Или ты думаешь, я убивал ради забавы? — Бабушка молчала, и Кеплер в испуге покачал головой. — Я солдат, бабуля. Пусть я и убийца, но я не садист. — Он перевёл дух. — В Косово я познал свою власть над жизнью и смертью, — тихо сказал он, — и она действительно сладка. — Он посмотрел бабушке в глаза. — Но ты достаточно меня научила, чтобы я никогда не причинил вреда невинным. Ты всегда была со мной, бабуля, и приглядывала за мной, и я молился, чтобы не стать таким, каким в итоге стал Абуди. Я застрелил его, потому что он позволил этой власти себя развратить.

— Хорошо, — сказала бабушка, и её взгляд смягчился. — Просто слушать такое тяжело. — Она вздохнула. — Ты поступил так, как считал правильным. По крайней мере, ты был в этом убеждён, даже если на самом деле это не так.

Кеплер почувствовал облегчение от того, что бабушка не стала осуждать его с самого начала. Но она никогда так и не поступала. Он посмотрел ей в глаза.

— Я знаю. Но я всё равно сделал бы это снова. Если бы этот день повторился, я бы сделал это, даже зная, что всё напрасно. Это всё равно лучше, чем ничего не делать и смотреть, как умирают люди.

— Возможно, это и правильно, — сказала бабушка. — Но уверен ли ты, что это так и есть?

— В том-то и дело, что нет. — Кеплер покачал головой. — Я даже знаю, что на самом деле это было неправильно. — Он беспомощно посмотрел на бабушку. — Но, бабуля, Африка — другая. То, что я там делал, в тех условиях казалось мне единственно верным; что-то в большей степени, что-то в меньшей. Поэтому я считаю, что поступил не совсем неверно. Поэтому я и могу спать.

— Но плохо. — Бабушка погладила его по руке. — И когда-нибудь, когда ты наконец придёшь к осознанию, что это было неправильно, и сможешь это понять, тогда покайся, и тебе будет прощено.

— Монахиня сказала то же самое, — пробормотал Кеплер. — Бабуль, — он посмотрел на бабушку, — если бы я не верил в Бога, я бы давно пустил себе пулю в лоб. Только я не умею верить так, как ты, я не настолько силён. — Он устремил взгляд вдаль. — Этим монахиням Бог дал силы умереть с таким достоинством и стойкостью, каких я не видел ни у одного солдата. Но зачем? — Он беспомощно моргнул. — А как же Катрин? Она никого не убивала, но ей ещё хуже, чем мне. Почему?

— Я уже давно живу на этом свете, но знаю далеко не всё. — Бабушка посмотрела на него. — Но я знаю, что у нашего Небесного Отца есть ответы и прощение. И в Нём — любовь.

— Думаешь, Богу есть до меня дело? — затравленно спросил Кеплер. — Не-а.

— Почему ты так думаешь? — Бабушка покачала головой, затем улыбнулась ему. — Бог любит тебя. Доверься Ему.

— Бабуль, ты говоришь чепуху, — ожесточённо ответил Кеплер. — Я этого не стою.

— Ты ошибаешься, — решительно возразила бабушка. — И поэтому ты и чувствуешь себя потерянным. Сын Божий умер за тебя — вот как сильно Он тебя любит. — Она замолчала. С обливающимся кровью сердцем она видела, что у Кеплера не было ни малейшего желания слушать её свидетельства о вере, которая пронесла её через всю её тяжёлую жизнь. — Когда-нибудь ты поймёшь, добровольно или нет, что без Него нет выхода. Надеюсь только, что будет

не слишком поздно. А пока — я тоже тебя люблю. — Она улыбнулась и утешающе заглянула ему в глаза. — Я буду за тебя молиться, — пообещала она. — И за Катрин.

— Спасибо, бабуля, — с искренней благодарностью сказал Кеплер, и на короткий миг в нём вспыхнула безумная надежда на то, что всё будет хорошо.

Бабушка притянула его к себе и погладила по коротким волосам — так же, как делала, когда он был ещё маленьким. Затем она взяла его лицо обеими руками и посмотрела ему в глаза. Кеплер посмотрел в ответ; и то, что он увидел в глазах своей бабушки, было тем самым, что придавало ему сил всю его жизнь. Бабушка улыбнулась и поцеловала его в лоб. И после её поцелуя он почувствовал себя в её руках защищённым, как тогда, в детстве, когда она его утешала.

Но он также почувствовал, что рука, нежно гладившая его по щеке, теперь едва заметно дрожит. Его история, видимо, оказалась для бабушки слишком тяжёлой; она вышла из комнаты ссутулившись. Кеплер разругал себя за то, что рассказал ей это, да ещё и взвалил на неё свои проблемы. Но её утешающие слова позволили ему дышать свободнее. И то, что он услышал, как она молится, когда проходил мимо её комнаты — тоже.

На следующее утро, когда Кеплер вернулся с пробежки, бабушка пекла блины. Она улыбнулась ему и подала их так, как он любил в детстве: золотистыми, горячими и с щедрой порцией малинового варенья. Кеплер сел за стол и проглотил эти нежные кулинарные шедевры. Лишь после этого он пошёл в душ.

Тем временем бабушка, судя по всему, соскучилась по правнуку и позвонила Саре. Семья Йенса жила всего в двух кварталах от них, так что Сара со своим отпрыском была уже давно там, когда Кеплер после душа снова спустился вниз.

Но сегодня племянник был не в настроении радовать прабабушку своим обычно таким солнечным нравом. Вместо этого он извивался в переноске и орал во всё горло. Сара выглядела истерзанной и раздражённой; по-видимому, малыш занимался этим делом уже несколько часов. Кеплер посмотрел на орущего ребёнка.

— Что с Бобом? — поинтересовался он.

— Врач говорит, что это просто такой период, — измученно ответила Сара. — Почему Боб? — с запозданием возмутилась она. — Его зовут Роберт.

— В этом парне нет и метра роста, Роберт — это слишком длинно, — обосновал Кеплер свой выбор имени. У Сары не было сил как следует возразить, даже на то, чтобы улыбнуться. Кеплер увидел тёмные круги под её глазами и взял переноску прежде, чем Сара успела что-либо сказать. — Я успокою мелкого, — предложил он. — А вы обе пока попейте чаю.

Сара не стала возражать, лишь бессильно и с благодарностью кивнула. Боб, прервавший крик в тот момент, когда Кеплер поднял переноску, заголосил по новой.

— Старик, — сказал ему Кеплер на улице, — кажется, я сейчас слишком много на себя взял. — Он с неохотным восхищением посмотрел на племянника. — Докуда у тебя вообще достают лёгкие? До колен?

Два часа спустя он увидел Сару и бабушку: они стояли на подъездной дорожке с обеспокоенными лицами. Он опустил стёкла, заглушил мотор, тихо вышел и осторожно закрыл дверь. Сара быстрыми шагами подошла к нему.

— Как там Роберт?

— Восемнадцать литров дизеля, — прикинул Кеплер. — Но Боб отрубился только на ста восьмидесяти. Я для верности ещё немного погонял, теперь он спит глубоким сном.

— Спасибо большое, — выдохнула Сара и облегчённо перевела дух. Затем она взяла его лицо в свои руки и посмотрела ему в глаза. Бабушка, должно быть, рассказала ей об их разговоре. — Ты в порядке, мой малой?

В её голосе звучало беспокойство — его невестки или сестры, или кем бы она ни была для Кеплера, просто его Сары. Он кивнул. Сара погладила его по щеке, затем притянула к себе и поцеловала в лоб.

Бабушка стояла рядом и смотрела на них взглядом, в котором было всё её сердце.

Когда наследник Йенса проснулся, его словно подменили. Он смеялся и до такой степени показывал себя с лучшей стороны, что и многострадальная мать, и прабабушка совершенно забыли о первой половине дня и баловали его так, что Кеплер даже начал завидовать. Боб буквально купался в восторге обеих женщин.

Вскоре Кеплер больше не мог на это смотреть, ушёл к себе в комнату и занялся поиском квартир в Бремене в интернете. В этот раз он нашёл ту, что приглянулась ему с первого взгляда. Дом был старой постройки, но после ремонта, и с подземным гаражом. Арендная плата оказалась выше, чем Кеплер планировал, зато почти вся обстановка уже была на месте. Кеплер тут же позвонил маклеру. Тот был в разъездах и попросил перезвонить завтра, но осмотр был возможен в кратчайшие сроки. Заселение — тоже. Кеплер откинулся назад и заложил руки за голову. Он был доволен собой и миром. Он утихомирил Боба, намечалась хорошая квартира, а бабушка с Сарой готовили лазанью.

Большого от одного дня и желать было нельзя.

Глава 8

Неделю спустя они отмечали день рождения Сары. Она не хотела шумной вечеринки; вместо этого они вместе с двумя друзьями Сары и Йенса и их детьми готовили на гриле в бабушкином саду. Погода стояла прекрасная, Йенс умел жарить мясо так же виртуозно, как и рассказывать истории, а детям хватало места для игр. Праздник затянулся до самого вечера.

С Мелиссой Кеплер созванивался на неделе. Она была полностью поглощена обустройством своей квартиры и тем, чтобы вникнуть в работу на новом месте. Кеплер порывался спросить, не может ли он ей чем-то помочь. Но Мелисса была самостоятельным человеком, поэтому он решил дожидаться, пока она сама попросит. Она этого не делала. По этой причине её звонок стал для него неожиданностью. Он радовался, что кто-то что-то от него хочет просто так. Он слушал тёплый голос Мелиссы и растворялся в нём. Её кашель вырвал его из задумчивости.

— Дирк, ты меня вообще слушаешь?

— Конечно.

— Что я только что сказала?

— Понятия не имею.

Кеплер тут же констатировал, что иногда не только взгляды могут передать больше, чем слова. Никакое возмущение не могло бы прозвучать более едко, чем вздох Мелиссы.

— Если бы вы не были нужны человечеству, мы бы прекрасно обошлись и без вас, знаешь ли? — самодовольно осведомилась она.

— Взаимно, — ответил Кеплер. — Только мир без женщин не был бы таким ярким. — Последняя фраза была его честным мнением, а не лестью. Тем не менее он не питал надежд, что это ему как-то помогло. — Вернёмся к теме. Мой ответ был правильным в том смысле, что я слушал твой голос, — деловито сказал он. — Кстати, что с ним? Ты хрипишь.

— Боже мой, как мило, — пожаловалась Мелисса и зашлась в приступе кашля. — Я об этом всё время и говорю. Я простудилась, — произнесла она с явным требованием, откашлявшись. — И страдаю тут в полном одиночестве.

— Бабушка всегда говорит, что мёд хорошо помогает от простуды, — вслух поразмыслил Кеплер. — Я мог бы тебе его привезти.

— Так и сделай, как только к тебе вернётся способность ясно мыслить, — потребовала Мелисса. — Ах нет, на это уйдёт целая вечность, лучше приезжай прямо сейчас, — тут же передумала она.

Кеплер обдумывал, как отплатить ей за эти слова.

— Мне нужно сначала кое-что уладить, это займёт какое-то время. Держись там.

— Тогда до скорого, — разочарованно попрощалась Мелисса.

Кеплер повесил трубку и пошёл на кухню.

Его догадка оказалась верной: бабушка стояла у кухонного стола и делала бутерброды. Кеплер спросил про мёд и немедленно получил банку, пуховое одеяло, чтобы согреться, и таблетки эхинацеи.

— Бабуль, это не для меня, — сказал он прежде, чем последовали советы.

Бабушка замерла.

— А для кого же?

— Мелисса простудилась...

Бабушка тут же выудила из своих запасов пачку мятного чая.

— Заваришь ей этот чай, — приказала она, — и никакого кофе, ясно!

— Есть.

— И веди машину осторожно.

— Есть.

— погоди, я дам тебе сумку.

— Есть.

— Может, мне сварить куриный бульон, он хорошо помогает от простуды, — размышляла бабушка. — Но летом на такие заболевания уходит столько времени, столько времени...

— Не-а, бабуль, она меня засмеёт...

Его бабушка даже слушать не стала эту попытку протеста.

— Возьмёшь его с собой в термосе, — распорядилась она.

Не было никакого смысла спорить, когда она была в таком настроении.

— Есть.

— Когда ты собираешься выезжать?

Кеплер усмехнулся.

— В два.

— Сначала приляг, — постановила бабушка.

— Зачем?

— Ты уже весь день на ногах.

— Пф... — только и выдал Кеплер. Бабушка одарила его железным взглядом. — Ох, бабуль, ну пожалуйста, я же уже взрослый, — попытался он прояснить свою позицию. — У нас гости. Как это будет выглядеть?

— Хотя бы на полчаса, — проигнорировала бабушка и это возражение.

— Посмотрим, — сдался Кеплер. Затем он улыбнулся ей. — Бабуль?

— Да?

— Ты самая лучшая.

Он уже очень давно хотел это сказать. Лицо бабушки просветлело, и Кеплер исчез из кухни прежде, чем она успела что-либо ответить.

В одиннадцать бабушка пошла спать, все остальные оставались в саду до начала второго. Проводив гостей, Кеплер лёг на диван в гостиной. Всего несколько секунд спустя свет снова зажёгся.

— Дирк, — услышал Кеплер предостерегающий голос Сары.

Он повернул к ней голову. Она молча указала в сторону сада.

— Займитесь этим спокойно, чтобы вам никто не мешал. Для брака такие вещи очень полезны, — философски заметил Кеплер. — К тому же я сейчас еду к Мелиссе, а бабуля приказала мне перед этим немного поспать.

Была только одна вещь, в которой Сара никогда не слушалась бабушку. Во всех остальных вопросах слово бабушки было для Сары просто законом. И неважно, нравилось ей это или нет.

— Вот и делай это, маленький мудрый кобольд, — беспомощно сказала она.

— Выключишь снова свет, пожалуйста?

Дверь хлопнула не слишком громко, потому что бабушка уже легла спать. Какое-то время Кеплер прислушивался к звукам в саду. Он усмехнулся и уснул.

Он вздрогнул и проснулся. Секунду спустя он снова осознал, что находится не в Судане. Но ярость из-за гибели его людей из Второй группы всё ещё снесла его и мешала дышать. Он сел, набрал полные лёгкие воздуха и задержал дыхание. Образ двоих убитых и четверых последних выживших из Второй группы начал таять. Кеплер посмотрел на часы; темнота вокруг него тоже рассеялась. Было около пяти. Другого дня. В другом месте. Без смертельной опасности. Но в одиночестве.

Когда Кеплер собирался выскочить из дома, он увидел на кухне сумку, которую приготовила бабушка. Он схватил её и выбежал на улицу.

Он довольно точно представлял себе, когда хочет быть в Миндене. Он сильно отставал от графика, поэтому вдавил педаль газа в пол, как только оказался на автобане.

Иногда двадцать километров в Африке казались ему очень долгими, а теперь сто десять до Миндена ощущались как бесконечность. Но машин на дороге было немного, и Кеплер мог ехать на высокой скорости. Заворожённо он наблюдал за стрелкой датчика уровня топлива, которая довольно резво ползла в сторону абсолютного нуля. Вот только ему нужно было наверстать часы, поэтому он продолжал давить на газ.

Он всё ещё отставал от своего графика, когда прибыл в Минден, небо уже понемногу светлело, но было ещё очень рано. Кеплер оставил машину на первой попавшейся парковке, выскочил, побежал к дому Мелиссы и отыскивал нужный звонок. Чтобы вызвонить больную женщину из постели, потребовалось некоторое время.

Кеплер неспеша поднялся по лестнице. Мелисса, сонная, хлопая глазами, как сова, стояла в дверях в ночной рубашке. Он широко ей усмехнулся.

— Дирк, ты вообще знаешь, который час? — одурманенно спросила она. — Коварное ты создание?

— Шесть сорок две. Разве что мои часы спешат. — Мелисса закатила глаза. — Знаешь, в чём ваша главная ошибка? — спросил Кеплер. — Вы непоследовательны, — ответил он на свой вопрос, протиснулся мимо Мелиссы в квартиру и закрыл дверь. — Ты хотела, чтобы я быстро приехал, а теперь ворчишь. Ты больна, но стоишь почти голая в открытой двери.

— Почему ты так долго? Я ждала тебя в половине третьего.

Мелисса порадовалась собственной находчивости. При этом она ещё толком не проснулась. Кеплер одобрительно кивнул и слегка приподнял сумку.

— Я раздобыл для тебя лекарство, — мрачно пригрозил он.

Глаза Мелиссы блеснули, и она сменила тактику.

— Поставь её, — потребовала она. Кеплер так и сделал, и она его обняла. Она была тёплой со сна, почти горячей, и это тепло разлилось в нём. — Я больна. Я хочу в постель. — Мелисса посмотрела на него. — Пойдёшь со мной?

Кеплер сделал вид, что колеблется. Затем усмехнулся — со всем коварством, на какое только был способен.

— Нет. — Он выдержал паузу. — И ты тоже не пойдёшь в постель. Сначала ты получишь горячий куриный суп.

— Дирк, — предостерегающий тон в голосе Мелиссы невозможно было не услышать, — нет!

— После этого тебе можно будет лечь спать, — невозмутимо пообещал Кеплер. — Сразу после мятного чая с мёдом.

— Никакого супа!

— Ты думаешь, — предостерегающе начал Кеплер, — что я мчался сотни километров, чтобы привезти его горячим, только ради того, чтобы ты морщила свой милый носик?

— Но...

— Никаких «но». Я не веду переговоров, — перебил он её. — Мы можем долго об этом спорить, но в конце концов ты его съешь. — Он отмахнулся от следующей попытки Мелиссы что-то сказать. — Учти, что я гораздо сильнее тебя.

— Ты же не станешь принуждать меня грубой силой! — возмутилась она.

— Сердце моё при этом обливалось бы кровью, — искренне сожалея, заверил её Кеплер. — Но да, стал бы. Я, видишь ли, боюсь свою бабулю.

— Я думала...

— Это было совершенно другое, — сказал Кеплер решительным тоном бабушки. — К тому же я говорил: редко. Но в данный момент я боюсь. И это ужасно.

Мелисса отпустила его и оценивающе посмотрела на него.

— Ну хорошо, — нехотя сдалась она.

Кеплер поднял сумку и легонько подтолкнул Мелиссу в сторону кухни.

— Не то, что ты делаешь мне этим одолжение, — прояснил он. — Всё как раз наоборот.

— Ладно-ладно!

— Я знал, что ты это поймёшь, — подчёркнуто мягко сказал Кеплер.

Мелисса обернулась и уничтожающе посмотрела на него, но не проронила ни слова. Кеплер невозмутимо смотрел в ответ. Мелисса протопала на кухню, села за стол и молча наблюдала, как Кеплер ищет тарелку. Найдя большую, он покопался в сумке. Бабушка завернула термос в одеяло, чтобы суп оставался как можно более горячим. Не обращая внимания на взгляд Мелиссы, Кеплер вылил в тарелку весь термос. Затем он нашёл ложку для недовольной хозяйки и вложил ей в руку.

— Пожалуйста. Ешь, — приказал он таким же тоном, каким это делала бабушка.

— А если нет?

Мелисса прозвучала так же строптиво, как он сам перед бабушкой.

Кеплер забрал у неё ложку, молча согнул её, затем вернул Мелиссе и холодно на неё посмотрел. Она вздохнула и попыталась зачерпнуть суп, затем протянула ложку обратно Кеплеру. Он разогнул её. С очередным глубоким вздохом Мелисса начала есть суп.

Какое-то время Кеплер молча наблюдал за ней, затем наполнил чайник и включил его. После этого он поискал большую кружку в кухонном шкафу. Вскоре он её нашёл и стал ждать, пока закипит вода. Пока он делал эти приготовления, Мелисса усердно ела; по-видимому, она хотела поскорее с этим покончить. Кеплер заварил чай, щедро добавил мёд, размешал и поставил кружку перед Мелиссой. Затем он угрожающе уселся. Мелисса отодвинула пустую тарелку, обречённо посмотрела на него, взяла кружку и стала пить горячую жидкость маленькими глотками. Кеплер наблюдал за ней. Он хотел напустить на себя мрачный вид, но когда Мелисса лишь едва заметно улыбнулась ему, его губы дрогнули в улыбке.

— Я скучала по тебе, — сказала Мелисса.

— Допила?

Мелисса посмотрела на него и удручённо прикусила губу.

— Ещё один глоток, — сказала она, допила и показала ему пустую кружку.

— Умница, — похвалил Кеплер. — А теперь марш в постель. Тебе нужно в тепло.

Она одарила его ядовитым взглядом. Он холодно посмотрел в ответ. Мелисса молча встала и поплелась в спальню. Кеплер с сумкой в руке последовал за ней. Там он заставил Мелиссу принять таблетку эхинацеи, а затем заботливо укрыл её. Она молча позволила ему всё это проделать.

— Дирк, иди сюда, — сказала она, когда Кеплер с удовлетворением наблюдал за делом своих рук.

Он слегка наклонился. Мелисса высвободила руку из-под одеяла и поманила его. Он наклонился чуть ниже. Она схватила его за куртку, притянула к себе и поцеловала.

— Спасибо.

— Если ты всегда так мстишь, то, пожалуйста, оставайся больной, — заметил Кеплер и осторожно поцеловал её. — Теперь спи.

Он опустил жалюзи, выключил свет и вышел. В гостиной он включил телевизор и лёг на диван.

Глава 9

Кеплер проснулся от неприятного прикосновения к лицу. Он моргнул, затем увидел сидящую рядом Мелиссу. Она провела левым указательным пальцем по его щеке, и он снова вздрогнул.

— Тебе не нравится? — спросила Мелисса и одёрнула руку. Кеплер отрицательно покачал головой. — Вот тебе и моя месть.

— Тебе лучше?

— Да, вообще-то очень даже. — Мелисса смущённо опустила взгляд. — Большое спасибо твоей бабушке. Кажется, я снова в норме. — Кеплер посмотрел на неё с насмешливым весельем. Она перехватила инициативу прежде, чем он успел триумфально ткнуть её носом в целебные свойства куриного бульона. — Тебе я тоже безмерно благодарна, — заявила она, но её взгляд опровергал этот тон, и она сама тут же это поняла. — Ну честно... — попыталась она замаять оплошность.

— Ещё чего, ты злишься, — перебил её Кеплер. — Так что мсти давай по-настоящему, — предложил он. Мелисса хотела что-то сказать, но в этот момент звякнул его мобильник. Мелисса нехотя встала, чтобы он мог дотянуться до кармана. — Он просто прощается, батарея села. — Кеплер протянул руку к Мелиссе, но телефон звякнул снова. — Боже мой, эту штуку что, бабуля программировала? — Он достал телефон и выключил его. — На чём мы остановились?

— На мести.

Кеплер вытянулся и закрыл глаза.

— Готов, — объявил он и задержал дыхание. Мелисса улыбнулась и запечатлела лёгкий поцелуй на его губах. — Чем бы ни был этот... тычок, — пожаловался Кеплер, — это всё?

— Не наглей. Я болею уже несколько дней, была совсем одна, и что я получаю, когда ты наконец-то здесь? — Мелисса возмущённо посмотрела на него. — Суп!

— Зато теперь ты снова в норме, так?

— И всё же, — настаивала Мелисса с женским упрямством.

Кеплер понял, что логикой тут не поможешь.

— Как мне загладить свою вину?

— Своди меня куда-нибудь, — последовал незамедлительный ответ.

— Ну хорошо, Мел, — строго сказал Кеплер. — Но сначала завтрак. — Он коварно улыбнулся Мелиссе. — Тебе нужно набраться сил.

— Ты идёшь со мной, — постановила она, более чем готовая к спору.

— Конечно. — Кеплер встал. — Мне же нужно заварить тебе чай, — добавил он, ему нужно было держать марку, — и дать тебе таблетки. И...

— Дирк! — Мелисса повелительно подняла руку, чтобы прервать его поток слов. — Я, конечно, сделаю это с удовольствием, но ты ставишь под угрозу мою месть.

— Я не позволяю маленьким девочкам себя шантажировать, — поставил её в известность Кеплер. — Ни за что и никогда. А теперь иди.

Мелисса вздохнула.

— Бабуля была права. Ты нахал.

— Бабуля мудра. Ты должна учесть только одно: это она меня воспитала.

Он злорадно улыбнулся, глядя на озадаченное лицо Мелиссы, и пошёл в спальню за сумкой. Когда он вошёл на кухню, Мелисса уже ела кукурузные хлопья с молоком. Для него она тоже поставила пиалу и положила ложку. Кеплеру и в страшном сне не привиделось бы есть кукурузные хлопья, да ещё и с молоком. Вместо этого он молча заварил чай. Налил две чашки, себе без мёда, и поставил их на стол. Затем положил перед Мелиссой таблетку эхинацеи. Она,

так же безмолвно, проглотила таблетку, покончив с хлопьями, и выпила чай. Затем молча встала и убрала со стола.

Кеплер провожал её глазами, пока она не скрылась из виду.

— Я тебя предупреждала, — сказала она у него за спиной.

— Это было честно, — ответил он, не оборачиваясь.

— Эх, Дирк. — Она обняла его, наклонилась и поцеловала в щёку. — Это была не месть, — прояснила она.

— Иначе ты бы поцеловала меня в губы.

Правая рука Мелиссы повернула его голову влево. Её волосы пощекотали его, он увидел её блестящие глаза, прежде чем почувствовал её губы на своих.

— Своди меня куда-нибудь, мой спаситель, — сказала она с вызывающим взглядом.

— Я что, расту в твоих глазах? — поинтересовался Кеплер.

— Постепенно. Шаг за шагом.

— Тогда отомсти мне как следует, чтобы у меня были силы ждать.

Мелисса очень быстро поцеловала его.

— Только не возмни себе ничего, — предупредила она и ушла в спальню.

— Эй, леди, — крикнул Кеплер ей вслед. — Ты можешь разрушить мои надежды, но не мои фантазии.

Фильм «Назад в будущее» Кеплеру очень нравился. Он видел его наверняка уже раз десять, но считал, что его всегда можно пересмотреть. И хотя начало он пропустил, Марти был уже в прошлом, когда он включил телевизор, зато Кеплер смог досмотреть фильм до конца, пока Мелисса принимала душ и выполняла обычные женские ритуалы перед выходом из дома.

Вторая часть трилогии уже началась, когда богиня мщения наконец вошла в гостиную, готовая к выходу. Кеплер не поднял на неё глаз, а продолжал пялиться в телевизор, хотя там как раз шла совершенно дурацкая реклама стирального порошка. Он выключил звук: без звука такие рекламные ролики выглядели настолько идиотскими, что это было даже смешно.

Мелисса ошеломлённо остановилась, упёрла одну руку в бок и уничтожающе посмотрела на него пылающим взглядом.

— Дирк, — угрожающе произнесла она, когда от него не последовало никакой реакции.

Кеплер жестом руки велел ей замолчать. И продолжил как заворожённый пялиться в телевизор. Несколько мгновений спустя он усмехнулся про себя.

— Что такое? — поинтересовался он затем, не поднимая глаз.

— Я го-то-ва, — резко, по слогам отчеканила Мелисса.

— Уже? Правда?

— Да!

Со всем показным сожалением, на которое только был способен, Кеплер выключил телевизор. Затем посмотрел на Мелиссу.

Она туго стянула волосы назад, так что её скулы, высокий лоб, большие зелёно-голубые глаза и чётко очерченные узкие губы выделялись особенно ярко. На ней была водолазка, которая по понятным причинам скрывала шею, но зато подчёркивала тонкую талию и грудь. Элегантные брюки в тонкую полоску облегали длинные ноги, которые благодаря узким туфлям на шпильке казались ещё длиннее. Мелисса улыбнулась, когда он посмотрел на неё. В это самое мгновение она выглядела очень женственно: не напоказ, а просто невероятно красиво.

Кеплер перевёл дух. Где-то на задворках его сознания мелькнула и тут же исчезла мимолётная мысль о том, что она похожа на Катрин.

— На такое не способна даже моя фантазия, — сказал Кеплер.

Глаза Мелиссы засияли, она застенчиво улыбнулась, её щёки порозовели.

— Я старалась.

— Я заметил. Что будем делать?

— Кино? И поесть что-нибудь... — Мелисса пристально посмотрела на него, — ...приличное?

— Я с радостью искуплю вину за твоё выздоровление, — стоически заявил Кеплер.

Мелисса не стала парировать этот выпад. Вместо этого она украдкой смерила его с ног до головы одним-единственным взглядом, как это умеют только женщины.

На Кеплере была тонкая чёрная кожаная куртка, тёмные джинсы и кожаные ботинки. Его внешний вид подходил к его машине, но не очень-то соответствовал наряду Мелиссы; рядом с ней он выглядел не слишком впечатляюще. Он ждал какого-нибудь замечания, но Мелисса лишь улыбнулась ему и протянула руку.

Свободные парковочные места нашлись только на боковой улочке, поэтому до кинотеатра им пришлось идти пешком около десяти минут. Кеплер осознавал красоту своей спутницы и с удовлетворением отмечал взгляды, которые бросали на Мелиссу другие мужчины. От неё это тоже не укрылось. Она довольно улыбалась.

Кинотеатр назывался «Берёза», что Кеплеру показалось странным: поблизости он не заметил никаких подходящих деревьев. Или же — он просто не смог их распознать, такое тоже было возможно.

Сеанс фильма, который хотела посмотреть Мелисса, начинался только через три часа. Она была разочарована, но Кеплер всё равно купил билеты.

— Мы можем пока сходить выпить. Знаешь тут какое-нибудь хорошее заведение?

Мелисса с сожалением улыбнулась.

— Придётся снова ехать.

— Я не могу отказать ни в одном твоём желании.

— И почему же?

Кеплер пожал плечами.

— Ты послушно съела суп. — Мелисса, похоже, не знала, стоит ли ей злиться, но для профилактики её взгляд был направлен на уничтожение его жалкого существования. Кеплер сделал смущённый вид. — Прекрасный цветок, как же мне загладить свою вину?

— Так-то лучше. — Она взяла его под руку. — Поехали. Я хочу насладиться своим триумфом.

Кеплер не стал уточнять, над кем или над чем она только что восторжествовала. Она была радостно возбуждена, и он пообещал себе устроить для неё хороший день. Поездка через город к озеру Гефаттер заняла у них около двадцати минут. В тупике неподалёку от берега Мелисса вывела их к заведению, представлявшему собой нечто среднее между баром и пивным садом. Там она указала на свободное парковочное место рядом со входом. Кеплер подъехал туда. После того как он заглушил мотор, Мелисса хотела сразу же выйти, но он её удержал.

— Сиди, принцесса.

Под взглядами сидевших на улице людей Кеплер обошёл машину и открыл перед Мелисзой дверь. Она не торопилась выходить. Сначала выставила одну ногу, затем появилась её рука, которую Кеплер тут же взял. Он помог Мелиссе выйти и закрыл дверь. Затем подождал мгновение, пока Мелисса величественно расправила плечи и высокомерно огляделась. Кеплер предложил ей руку. Мелисса милостиво улыбнулась и взяла его под руку. Они неспешно прошли мимо столиков в заведение и сели в дальней части зала.

Мелисса заметила впечатлённый взгляд официанта, когда тот подавал им барную карту, и её лицо после этого приняло глубоко удовлетворённое выражение. Она заказала Пина Коладу, Кеплер — воду. Когда официант ушёл, Мелисса рассмеялась.

— Это было забавно. — Она весело посмотрела на Кеплера. — Хочешь знать, на каком ты сейчас у меня счету?

— Ну?

Она подняла правую руку вертикально вверх.

— Вот тут.

— Ты очень милая женщина.

— А ты делаешь заметные успехи, — похвалила его Мелисса, но без лишних восторгов.

— А теперь скажи мне, как прекрасно я выгляжу.

Она сказала это самодовольно, и Кеплера это неприятно удивило.

— Я больше никуда не смотрю, разве этого недостаточно? — спросил он.

Мелисса смущённо улыбнулась.

— Но мне иногда хочется это услышать. — Это прозвучало гораздо более женственно.

— Я женщина, нам просто иногда нужен красивый комплимент.

— Я в этом деле бездарен. Я просто не могу облечь это в слова.

— То есть ты только сказать этого не можешь? — спросила Мелисса. В её голосе зазвучало радостное ожидание пополам со страхом. — Значит, ты хочешь, чтобы мы были вместе?

— Я думал, это уже факт.

Мелисса взяла его за руку. В этот момент официант принёс напитки и поинтересовался, не желают ли они чего-нибудь ещё. Мелисса покачала головой, даже не удостоив мужчину взглядом. Тем не менее, он с улыбкой удалился.

— Он наверняка думает, что мы только что влюбились друг в друга, — радостно сказала Мелисса.

Кеплер хотел, чтобы она была с ним — как человек рядом и как женщина — но не хотел попадать в зависимость от неё. И хотя это было не искренне, он улыбнулся в ответ, чтобы сделать её счастливой. Возможно, когда-нибудь он и сам обретёт с ней настоящее счастье.

Они привлекли внимание двух других посетителей за соседним столиком. Пара была пожилой, очень элегантно одетой и, судя по всему, донельзя консервативной. Кеплер ответил им холодным взглядом. Через несколько секунд оба поспешно и чуть ли не в испуге отвернулись. Кеплер посмотрел на Мелиссу, которая замерла с соломинкой во рту, и его губы тронула улыбка.

— Пойдём отсюда, — попросил он.

Когда они снова оказались в центре города и во второй раз направились к кинотеатру, Мелисса прижималась к Кеплеру до тех пор, пока он не обнял её за плечи.

Позже, сидя в тёмном зале, Кеплер смотрел на лицо Мелиссы, на её глаза, поблёскивающие в мерцающем свете, на её сдвинутые брови, на губы. С ней было хорошо. Не больше, но и не меньше.

После фильма Мелисса целенаправленно повела их в итальянский ресторанчик за четыре квартала. Заведение было забито битком, но поскольку большинство посетителей в такую прекрасную погоду предпочитали сидеть на улице, им с Кеплером тут же достался столик внутри.

Правда, еду им пришлось ждать долго. Сначала они обсуждали фильм. Мелисса выбрала душещипательную мелодраму, и Кеплер прошёлся по ней катком. Поначалу Мелисса возмущалась — фильм ей понравился. А потом стала сносить насмешки Кеплера с благосклонным взглядом, не возражая ни слова. И это испортило ему всё удовольствие.

Кеплер был не особо голоден. Он радовался аппетиту Мелиссы, который означал, что ей стало лучше. Голос у неё тоже снова звучит хорошо, решил он, спасибо бабушке. Расправившись с пиццей, Мелисса захотела выпить ещё капучино. Она махнула официантке и заказала две чашки.

— Дирк? — сказала она, когда женщина отошла.

— Да?

— Как надолго ты можешь остаться?

— Насколько захочешь.

Мелисса не стала ходить вокруг да около.

— До среды, — прямо сказала она. — У меня несколько выходных.

— С удовольствием.

— Хорошо, милый.

Кеплер испуганно посмотрел на неё из-за столь интимного обращения.

— Что это было?

— Что?

— То, что ты только что сказала.

Мелисса попыталась невинно на него посмотреть.

— Я сказала хорошо...

— Не ломай комедию, — раздражённо сказал Кеплер, но затем увидел её удивлённый и непонимающий взгляд. — Как ты меня назвала? — спросил он спокойнее. Мелисса нервно молчала. Кеплер подозрительно посмотрел на неё. — Ты даже не заметила?

— Заметила, — смущённо призналась Мелисса, пытаясь скрыть своё недовольство. — Я больше так не скажу, если ты этого не хочешь.

— Извини, — мягче попросил Кеплер. — Так меня называли только мама и бабушка. Это было много лет назад.

Жёсткость исчезла из взгляда Мелиссы; она улыбалась, глядя ему в глаза, и это смутило Кеплера.

— Отвези меня домой, Дирк.

Он чувствовал её тепло; они ещё никогда не были так близки, как сейчас. Но затем всё снова закончилось. Он молча встал и направился к барной стойке; Мелисса не хотела ждать официантку. Кеплер оплатил счёт, кивнул Мелиссе, и они покинули ресторан.

Мелисса прижалась плечом к его плечу, когда они шли к машине.

Всю дорогу до её квартиры они молчали. Там им уже не следовало молчать, но Кеплер не знал, что сказать.

— Мне нужно позвонить домой, — вспомнил он. — Нужно предупредить, что я останусь у тебя. — Он достал из кармана мобильник. — А, батарея села.

Мелисса указала на телефон в гостиной.

— Позвони по этому. А я пока пойду разденусь.

— И, пожалуйста, никаких компромиссов в этом деле.

Мелисса с улыбкой удалилась.

Кеплер набрал номер бабушки. На линии щёлкнуло, затем пошли длинные гудки. Трубку взяла Сара: бабушка снова почувствовала себя неважно. Сара успокоила Кеплера, сказав, что ей уже лучше. Кеплер попросил её передать бабушке, что суп сотворил чудо, как всегда, и поблагодарить её за это. Он надеялся, что по возвращении бабушка из-за этого забудет прочитать ему нотацию. Затем он сказал, что задержится в Миндене, то есть у Мелиссы. Было слышно, как Сара этому обрадовалась.

— Значит, всё идёт хорошо? — поинтересовалась она.

— Кажется, я ей действительно нравлюсь, — скептически ответил Кеплер.

— Наверняка так и есть. Это нетрудно, мы ведь тебя тоже любим.

— Вы — моя семья, это ваша обязанность. А она — уж не знаю почему.

— Тогда смотри не испорти всё.

— Именно этого я и боюсь.

— Малой, — вздохнула невестка, — ты никогда не боишься. Вообще ничего.

— Ты совсем разучилась подбадривать, — неприветливо ответил Кеплер. — Раньше у тебя это получалось лучше.

— Тебе не нужно бояться. — Голос Сары звучал не поучительно, а успокаивающе. — Тебе нужно отпустить Африку, это была другая жизнь, теперь ты должен жить эту. Я так это вижу.

Именно этого, как казалось Кеплеру, он сделать и не мог. По крайней мере, не так, как это понимала Сара. Она тут же заметила его сомнения.

— Она тебе нравится? — хотела знать она.

— Да.

— Тогда скажи ей об этом.

— Просто так? Как?

— Скажи мне, что ты меня любишь, — потребовала Сара.

— Ещё чего. Зачем? — проворчал Кеплер. — Я тебе это уже говорил.

— Тогда тебе было десять. А ну давай!

— Я тебя люблю, — пробормотал Кеплер.

— Ну вот, можешь ведь, — сказала Сара. — Малой, — её голос потеплел, — всё будет хорошо.

— Надеюсь.

— Обязательно. Ты уже рассказал ей о квартире?

— Не-а. Я пока до конца не уверен в последствиях.

— Какие ещё последствия?

— Мелисса меня расцелует — надеюсь, — когда узнает, — рассудил вслух Кеплер. — Или врежет мне, потому что квартира в Бремене.

— Если она сделает это нежно...

— На это я надеюсь в качестве плана Б.

— Желаю хорошо провести время, — со смехом пожелала Сара. — Счастливо, малой. Как только вернёшься, хочу услышать все подробности.

— Есть.

— Хорошо. Подожди, передаю трубку Йенсу.

Прежде чем Кеплер успел отказаться, он услышал, как она шушукается с его братом. Йенс звучал недовольно, Сара — успокаивающе. Затем к телефону подошёл брат.

— Привет, Йенс, — с напускной бодростью сказал Кеплер.

— Дирк, — нейтрально ответил Йенс. — Какое-то время они молчали. В последнее время им было нечего сказать друг другу. — Всё в порядке?

Йенс звучал так, будто ответ его не особо интересовал.

— Спасибо, а у тебя? — вернул Кеплер формулу вежливости.

— Тоже. Ты остаёшься у Мелиссы?

— Да.

— Вот и хорошо. Всего доброго, — без всяких эмоций пожелал Йенс.

Прежде чем Кеплер повесил трубку, он снова услышал щелчок на линии. Мгновение спустя в гостиную вошла Мелисса. Она переоделась, теперь на ней была просторная пижама. Она подошла к Кеплеру, молча обвила руками его шею и прижалась к нему.

— Мелисса, что-то случилось? — озадаченно спросил он. — Мелисса, — добавил он, потому что в ответ она лишь едва заметно покачала головой, — тебе нехорошо?

— Наоборот, Дирк, — накинулась она на него. — Просто помолчи. Теперь всё будет хорошо.

Кеплер на мгновение нахмурился.

— Погоди-ка. Ты что, подслушивала?

— Мне действительно очень хорошо с тобой, — сказала Мелисса.

— У тебя что, параллельный телефон?

— Заткнись и дай мне насладиться этим.

— Чем?

— Всем, дубина ты.

Кеплер чувствовал её сквозь тонкую ткань пижамы, и в нём начало подниматься желание. Он медлил, не решаясь в нём раствориться. Мелисса возмущённо посмотрела на него.

— И? — раздражённо поинтересовалась она.

— Что?

— Ты только прикидываешься тугодумом, или ты такой и есть? — спросила она. Она отстранила его от себя и возмущённо на него посмотрела. — И есть такой. — Кеплер лишь с растерянным вопросом поднял брови. — Ох, — прорычала Мелисса. Взглянув на его лицо, она насмешливо-весело улыбнулась. — Ты всё ещё боишься своей бабули? — Она потрясённо покачала головой. — Вообще-то её здесь нет.

— А ты, значит, снова совершенно здорова, да?

Мелисса поцеловала его. Сначала коротко, это было похоже на прикосновение пёрышка. Затем её губы стали более требовательными, она прижалась к нему. Он целовал её и пьянел от её запаха и её мягкой кожи.

А затем — от её тела. Снова настала ночь, и он мог забыться, хотя бы на мгновение. С этой надеждой он и уснул.

Было неясно, что именно разбудило его на этот раз. Он сел в постели. Затем посмотрел вниз и влево. Он сдвинул одеяло с плеча Мелиссы. В бледном свете, падавшем из окна, под одеялом угадывались очертания её левой груди. Он непроизвольно поднял руку, чтобы сдвинуть руку Мелиссы и увидеть её грудь целиком. В следующее мгновение он понял, что его разбудило не тепло кожи Мелиссы: за окном на миг стало светло, а затем прогремел гром. Словно разорвалась миномётная мина.

Кеплер встал и подошёл к окну. Прохлада ламината под ногами заставила его через две секунды окончательно проснуться. Теперь он слышал дождь. Он прижался лбом к холодному стеклу и смотрел на первую ночную грозу, которую застал дома. Новая молния ослепительно озарила мир за окном. Под раскаты грома Кеплер прищурился и вперил взгляд в наступившую тьму...

...новая молния озарила ночь. Кеплер прищурился и вперил взгляд во тьму. Снова на западе вспыхнули облака, когда над ними полыхнула следующая молния, на мгновение сделав их прозрачными, хотя казалось, что они состоят из крошечной тьмы. Гром от первой молнии достиг Кеплера: грохнуло над ним и стихло. В то же время звук снова нарастал: это преодолел расстояние грохот второй молнии. Затем на мгновение всё стихло. После чего медленно забарабанило: первые капли дождя застучали по листьям кустов.

Мародёры смогли выстоять против ополчения и даже против двух подразделений регулярной армии. Они выигрывали бои тем, что просто убегали, заманивая преследователей в ловушку, и там уничтожали. Однако Вторая группа настигла мародёров во время одного из их набегов. Но в том первом бою погибли двое бойцов, а мародёры скрылись. Группа искала их и вскоре нашла их базу в лесу. Но пока они готовили нападение, их обнаружили. Мародёры знали каждый уголок леса, а люди Кеплера, уступавшие им в численности, оказались в невыгодном положении. Тем не менее они приняли бой и в этом втором столкновении убили двадцать мародёров. Но снова потеряли двоих из группы, обнаружив лагерь мародёров, они споткнулись об их последнюю линию обороны. Группе пришлось прекратить бой: у людей просто закончились боеприпасы. Их окружили, но с последними несколькими патронами им удалось пробиться.

Это было шесть часов назад. Мародёры не могли не знать, что сражались с подразделением Крысиной бригады, и должны были исходить из того, что Вторая группа вернётся с подкреплением. Поэтому они должны были отправиться на поиски нового лагеря. Они не могли позволить себе оставаться здесь. Не после того, как их лагерь был раскрыт.

Кеплер ждал их в нескольких километрах южнее, в лесу на мысе, где маленькая безымянная речушка сливалась с великим Нилом. Он расставил оставшихся бойцов Второй группы на берегу Нила на тот случай, если мародёры покинут лагерь по воде. Но это сделало бы их лёгкой мишенью; к тому же до сих пор они ни разу не использовали лодки. Кеплер со своей группой занял позицию в узком месте на мысе. Мародёры должны были скоро появиться. Самое позднее — на рассвете. У Кеплера было всего пять человек, но ему было всё равно. Чтобы отомстить за смерть товарищей, ему нужно было попасть всего один раз — в главаря, который сколотил из сброда боеспособный отряд. Без него мародёры снова превратятся в обычную банду. И тогда их можно будет быстро и окончательно уничтожить.

— Колонель, около двадцати человек проходят слева от нас, — прошептал голос Массы в наушнике в левом ухе Кеплера.

Он посмотрел налево. Группа Массы занимала позицию восточнее него. Ещё дальше в том направлении лежали болота. Красться через них имело то преимущество, что там не стал бы воевать никто, кто не знал местности. И тот недостаток, что, если бы бой всё же завязался именно там, у мародёров было бы мало пространства для манёвра. Поэтому для них было лучше пройти через узкий участок: так быстрее, а в крайнем случае всегда оставалась возможность сбежать в болота. Эту возможность мародёры должны были как минимум обезопасить.

— Пропусти их, Масса, — приказал Кеплер. — Если с ними нет босса.

Потребовалось время. У его людей было преимущество: приборы ночного видения. Тем не менее они не торопились.

— Нет, сэр, — сказал командир группы спустя некоторое время. — Похоже, это только разведдозор, пара крестьянских парней. Как тогда, на медном руднике.

— Я тоже так думаю, — ответил Кеплер. — Они прозондируют местность, а затем сообщат остальным, что можно проходить. Но не спускай с них глаз, Масса. Они далеко не уйдут.

— Есть. Конец связи.

Теперь у них в тылу было двадцать человек. Однако час спустя Кеплер услышал, как разведдозор возвращается. Таким образом, догадка Массы оказалась верной: эти люди не были обученными солдатами. Разведдозор возвращался в лагерь между кустарником, в котором лежали Кеплер и Коби, и холмом, который заняла группа Массы; это была вторая и последняя возможность покинуть мыс по суше. Вскоре после того, как разведдозор скрылся в направлении лагеря, Кеплеру стало ясно, почему мародёрам потребовалось так много времени на сборы, почему они не могли уйти ни по Нилу, ни через болота. Они держались за награбленное добро. Его было так много, что им понадобился грузовик. А он и так еле полз по размокшей от дождя земле; в болотах он бы просто сразу утонул. Таким образом, банда представляла собой довольно неповоротливую мишень. Ни Массе с остальными, ни Кеплеру с Коби не нужно было менять позиции. Кеплер достал из рюкзака глушитель и сунул руку под брезент, которым был накрыт АВСМ.

— Коби, скажи, когда они будут на тысяче ста, — приказал он.

Он вслепую навинтил глушитель на винтовку, затем достал нож, разрезал брезент сантиметров на тридцать в длину и оттянул его вниз. Оптический прицел и установленный перед ним прибор ночного видения теперь торчали наружу, но глушитель и, главное, затвор по-прежнему были защищены брезентом от дождя. Кеплер установил прицел на тысячу сто метров, сунул под брезент все свои десять магазинов и прицелился.

Мародёры продвигались всё медленнее. Земля, и без того мягкая вблизи реки, от дождя превратилась в грязь; теперь мародёрам приходилось постоянно толкать грузовик. При этом они то и дело поскользывались.

— Тысяча сто пятьдесят, — прошептал Коби. — Тысяча сто двадцать... десять... Тысяча сто.

Кеплер выстрелил. Не так далеко отсюда, много лет назад, он проделал нечто подобное. Когда у грузовика лопнуло колесо, мародёры, как и тогда солдаты под Малакалем, подумали, что это произошло по естественным причинам. Обоз тут же остановился. Кеплер как можно быстрее уменьшил кратность увеличения, чтобы расширить поле зрения. Но как он ни всматривался в мародёров, того единственного, кто говорил им, что делать, он не видел. Прошла минута. Этот тип был там. Несмотря на дождь и темноту, мародёры при свете фонариков принялись менять колесо. Кеплер перевёл АВСМ на небольшую кучку мародёров, сидевших на корточках чуть поодаль. Он не увидел никого, кто выделялся бы своей осанкой. Кеплер снова перевёл винтовку на грузовик и попытался разглядеть через лобовое стекло, не сидит ли главарь в кабине. Он ничего не увидел, даже когда грузовик приподняли на домкрате. Тем временем подтянулись и отставшие, и теперь около пятидесяти мародёров сгрудились вокруг грузовика. Но главаря, чья сила воли и заставила их это сделать, среди них видно не было. Вдруг Кеплер заметил суетливое движение спереди у грузовика. Между мародёрами он увидел, что один из них машет рукой. Несмотря на плохие условия, этот понял, что колесо было прострелено. Но главарь не подошёл к нему, чтобы посмотреть на колесо. Зато все пятьдесят мародёров, словно сдутые ветром, рухнули на землю и приготовились открыть огонь, только трое остались у грузовика. Их фонарики погасли, и двое, пригнувшись и действуя торопливо, принялись устанавливать запаску. Третий держал простреленное колесо перед собой и ими как щит. Кеплер пересчитал параметры и тщательно прицелился. Затем он отправил смерть в путь. Она проложила себе дорогу сквозь дождь и вонзилась в голову мародёра с колесом. Прошла секунда, он рухнул, колесо упало на него. Двое других бросились на землю. Затем попытались подняться. Но хлесткий голос, который заставил их это сделать, на таком расстоянии был не слышен. Кеплер выстрелил, передёрнул затвор, выстрелил снова и опять передёрнул затвор. Двое мародёров упали. Запасное колесо так и осталось криво висеть на ступице. Должно быть, мародёрам было жутко видеть, как трое их поделщиков умерли после коротких, приглушённых дождём хлопков и свиста подлетающих пуль. И они знали только то, что их атакуют с фронта. Они начали стрелять. Очереди из их автоматов ложились с большим недолётом: лишь несколько пуль пролетели восемьсот метров.

— У вас всё в порядке? — спросил Кеплер: холм Массы находился именно на таком расстоянии.

— Пару раз просвистело, — вскользь ответил Масса.

Кеплер проверил брезент на глушителе. Ни одна капля воды не должна была попасть внутрь, иначе Кеплеру пришлось бы его откручивать. А это означало бы конец его маскировке. Он сменил магазин. И увидел, как на левом фланге мародёров поднялась фигура и коротко махнула рукой. Этот жест казался яростным даже на таком расстоянии. Трое мародёров, лежавших неподалёку от грузовика, прекратили стрельбу и поползли к запасному колесу. Лёжа на спине, они попытались его затянуть.

— Коби, ты видел того типа, который махал рукой? — спросил Кеплер.

— Да, колонель.

— Не спускай с него глаз, — приказал Кеплер, пока вражеский огонь стихал. Трое мародёров надели колесо, один из всех сил крутил ручку домкрата. Когда грузовик опустился, остальные начали подниматься, целясь при этом вперёд. — Коби? — позвал Кеплер.

— Я его больше не вижу.

Кеплер тоже. Он снова перевёл винтовку влево и выстрелил. Только что заменённое колесо секунду спустя пришло в негодность. Теперь Кеплер слышал нечто помимо дождя и снова яростно вспыхнувшей стрельбы. А именно — яростный вой.

— Коби, ищи этого типа, найди его и веди, — приказал Кеплер. — На меня не обращай внимания.

Разведдозор более-менее сплочённо поднялся и, стреляя, побежал вперёд. Кеплер повёл стволом дальше влево; там один бежал довольно прямо. Пуля попала ему в голову; он крутнулся вокруг своей оси и рухнул на землю. Кеплер перевёл прицел вправо и застрелил мародёра, который бежал хоть и сильно пригнувшись, но прямо на линии его огня. Следующая пуля миновала цель: мародёр сделал резкое движение; но две последующие убили двоих мародёров. За те секунды, что понадобились Кеплеру для смены магазина, разведдозор пробежал ещё двадцать метров.

— Колонель, теперь они знают, где вы, — сказал обеспокоенный голос Массы.

Кеплер нажал кнопку на шее.

— Нет, они только догадываются. Замрите.

Он был прав: мародёры стреляли не прицельно в его сторону, а лишь приблизительно. И у него было ещё как минимум триста-четыре метра до того момента, когда их пули станут для него опасны. Тем не менее он стрелял быстро. Это стоило ему одной потраченной впустую пули, но когда он вставил следующий магазин, оставшиеся в живых противники уже лежали на земле, вместо того чтобы продолжать бежать на него. Внезапно ситуация изменилась. Мародёры как один поднялись и, стреляя, побежали вперёд со всей возможной скоростью. Но не все.

— Он убегает, сэр! — чуть визгливо крикнул Коби.

Кеплер опустил приклад винтовки, чтобы иметь возможность смотреть дальше вперёд. Позади фигур, бегущих на него и непрерывно стреляющих, он увидел троих мародёров, бегущих обратно на юг, к Нилу.

— Коби, который из них?

— Тот, что слева.

Кеплер ослабил палец на спусковом крючке: другие мародёры то и дело пересекали линию его огня. Он ждал, не сводя глаз со спины главаря. У него ещё было немного времени: до кустов на юге главарю нужно было пробежать триста метров.

— Колонель! — настойчиво позвал Массы.

— Коби, скажи им: пусть передёрнут затворы, но держат в покое как пасти, так и остальные части тела! — прошипел Кеплер.

— Но они подходят всё ближе...

— Коби!

Его наводчик передал приказ. Кеплер продолжал мысленно считать. Время ещё было. Ни мародёры, бегущие на него, ни их главарь, убегающий от него, не могли бежать быстрее двадцати километров в час. Прошла минута. Началась вторая. Кеплер выстрелил. Пуля попала мародёру на линии его огня в плечо и отбросила его в сторону. Кеплер передёрнул затвор и выстрелил снова. Второй мародёр его поле зрения вскинул руки вверх, прежде чем рухнуть.

— Служи моим людям на том свете на совесть, — прорычал Кеплер перед тем, как выстрелить.

Его пуля уложила главаря в двадцати метрах от кустов. Следующая пуля лишь чудом миновала мародёра, бежавшего рядом с главарём, а следующая за ней попала мародёру в спину как раз в тот момент, когда он прыгал в кусты. Кеплер сменил магазин. Когда он снова был готов к стрельбе, последнего он уже не видел, но заметил движение растений. Он выстрелил с небольшим упреждением и распределил следующие выстрелы вокруг этого места. Когда магазин опустел, в кустах больше ничего не двигалось. Остальные мародёры преодолели четыреста метров. Но это было утомительно: они запыхались, их выстрелы сильно ложились вразброс, и между ними и Кеплером оставалось ещё семьсот метров. Однако теперь мародёры точно знали, где он.

— Массы, огонь, — отдал приказ Кеплер.

Слева от него вспыхнуло дульное пламя длинного ГЗ Массы. На четырёхстах метрах до бандитов короткие ГЗ6 Нгабе и Сахи были недостаточно точны, и они берегли боеприпасы.

Масса расстрелял один магазин и убил четверых мародёров. Это замедлило продвижение мародёров, и они открыли огонь по Массе, пока он перезаряжал оружие. Теперь начал стрелять Буди, чтобы Масса мог сменить позицию. Он убил троих мародёров одного за другим с интервалом в две секунды. Мародёры как по команде повернули в его сторону и открыли огонь из всех стволов: видимо, они решили, что это он застрелил людей у грузовика, а затем сменил позицию. Масса прикрывал его, чтобы тот мог оставить свою выдвинутую позицию. Буди пощерицки пополз в кусты.

Не все мародёры изменили направление: около дюжины продолжали бежать к кусту Кеплера. Прилёты их пуль становились всё плотнее. Коби отложил бинокль, повернулся на бок, перетянул МП5 со спины на живот и снял с предохранителя. На трёхстах метрах Кеплер стрелял почти не целясь, и теперь каждая из пяти пуль из магазина убила мародёра. Остальные восемь бросились на землю и продолжили стрелять. Кеплер услышал, как очередь со свистом пронеслась совсем близко над его головой, пока он заряжался, и выстрелил в лицо мародёру, который точно засек его позицию.

— Уходим, Коби.

Как могли быстро, они поползли задом наперёд к кусту позади них.

— Колон..ль, берег... тес..., — прохрипело в рации.

Кеплер постучал по наушнику.

— Нгабе, что?

— ... со С...Д...

Больше Кеплер ничего не понял. Нгабе находился на склоне холма, там лежали большие валуны. Судя по всему, он пригнулся за них, и они создавали помехи для связи. Кеплер посмотрел через плечо на Коби.

— Он сказал что-то про СВД?

— Кажется, да, — с сомнением ответил Коби и приподнялся. Как только он встал на колени, он нажал на микрофон на шее. — Нгабе, в чём дело?

Ответ пришёл не от его товарища. Одиночная пуля со свистом прилетела, чиркнула по МП5 и вонзилась в левый бок Коби. Когда его наводчик рухнул, Кеплер перекатился влево, одновременно прикладываясь к АВСМ. Из восьми мародёров, которые до этого залегли на землю, Буди застрелил одного, едва тот успел подняться. Остальные семеро после короткого колебания ринулись вперёд, потому что Буди снова пришлось стрелять по врагам, атаковавшим холм Массы. Кеплер открыл быстрый огонь. Когда на землю упала последняя гильза, ещё четверо живых мародёров снова вжались в землю. Кеплер потянулся за магазинами. И выругался. Когда в Коби попали, он, не раздумывая, попытался его подхватить. Из-за этого он выронил магазины — на единственное открытое место в округе, не покрытое травой. Все четыре магазина лежали горловинами в грязи.

— Буди, ты видишь снайпера? — крикнул Кеплер.

— Да, но угол плохой, сэр. Он прячется за несколькими трупами.

— Он целится в мою сторону?

— Да.

— Убей его.

Кеплер упёрся обеими руками в землю и рывком вскинул верхнюю часть туловища. Он сильнее оттолкнулся правой рукой, поэтому в верхней точке его голова неожиданно дёрнулась влево. Пуля со свистом пронеслась в двадцати сантиметрах от него.

— Спасибо, сэр, — сказал Буди две секунды спустя. — Вы идиот.

— Атакуйте, — приказал Кеплер. — Вы должны идти сюда, Коби ранен.

Он посмотрел на своего наводчика. Коби теперь лежал на спине. Его жилет был расстёгнут, рубашка разорвана. Он закусил нижнюю губу, зажимая рану левой рукой и пытаясь пра-

вой открыть свой рюкзак. Кеплер посмотрел на кровь между его пальцами. Она была светлой: внутренние органы, судя по всему, задеты не были.

— Коби, сильно? — спросил он, потянувшись за Глоком.

— Не-а, — со стоном выдавил суданец, — мышечное ранение. Только вот пуля застряла.

— А санитар из тебя никудышный, Коби, ты в курсе? — с облегчением сказал Кеплер.

— Да-ааа... Извините, колонель, глупо с моей стороны.

Кеплер посмотрел вперёд. Куст закрывал ему обзор на холм, но там царило довольно бурное движение: четверо непосредственных противников ползли вперёд. Кеплер выстрелил пять раз, пополз назад и схватил Коби за воротник.

— Держись за жилет, — рявкнул он на него.

Коби ухватился правой рукой за левый отворот. Пока Кеплер тащил его за собой, он отталкивался ногами от земли, чтобы помочь. Они достигли другого куста как раз в тот момент, когда над ними снова засвистели пули. МП5 был сломан: пуля из СВД повредила затвор. Кеплер вытащил пистолет Коби и вложил ему в руку. Затем пополз обратно: он не мог просто так оставить свою винтовку без присмотра. Перед ним было семь метров, до противника — сто; у него Глок, у них — автоматы. Он приподнялся и выпустил в них весь магазин пистолета. Это дало ему несколько секунд. Он зарядил Глок, потянулся за магазином от АВСМ и обтёр его горловину об одежду. Немного грязи винтовка могла выдержать, но только в затворе: там для этого были предусмотрены специальные грязеотводные канавки. В ствол грязь попадать не должна была: оттуда она могла выйти только в одном направлении. Если бы её было слишком много, ствол не просто раздуло бы — он бы взорвался. Кеплер поднял глаза. Ему нужен был мегафон, чтобы сообщить этим мародёрам, что их главарь мёртв. Он вскинул руку и выстрелил. На этот раз он попал в одного из них, но на семидесяти метрах это была лишь случайность. Мародёр упал, другие взяли Кеплера на мушку. Он бросился на землю. Это спасло ему жизнь: несколько пуль просвистели над ним. Но магазин винтовки снова испачкался, а его правая рука вместе с Глоком оказалась в луже. Она была здесь не единственной, земля была неровной, но это была одна из самых больших. И достаточно глубокая, чтобы вода могла затечь в ствол. Кеплер быстро огляделся. Мародёры, ползущие к холму, двигались быстрее. Ещё пятьдесят метров. Кеплер вскинул руку с Глоком и одновременно нажал на защёлку магазина. Тот вылетел. Быстрым движением Кеплер выбросил патрон из патронника. Мародёры вскочили на ноги. Кеплер подул в патронник. Воздух вышел через рукоятку. Он встряхнул Глок, зажал рукоятку левой рукой и снова подул в патронник. Мародёры открыли огонь. Он упал на бок и перекатился, продолжая дуть в Глок. Но в какой-то момент ему пришлось рискнуть. Доставая магазин из жилета, он встряхнул пистолет: от воды и его ствол мог разорваться. Вставляя магазин, он увидел мародёров менее чем в тридцати метрах. Он с силой вогнал магазин и нажал на рычаг затворной задержки. Затвор зарядил пистолет и взвёл курок. Левая рука Кеплера обхватила рукоятку снизу, когда он приподнялся на одно колено и поднял Глок. Четверо мародёров бежали на него бок о бок. Теперь они снова его увидели и повели стволами автоматов. Он прицелился в туловища — они представляли собой самую большую мишень; выстрелил дважды, взял левее, выстрелил, снова слегка повёл стволом, выстрелил. Двое рухнули на землю, третий упал на колени: ему попало только в плечо, а не в грудь. Внезапно четвёртого прошла очередь в бок. Рядом с мародёрами появился Сахи со вскинутой Г36. Он выстрелил почти в упор в лицо раненому мародёру, затем пустил по пуле в головы тех двоих, что лежали на земле. Затем он повернулся к Кеплеру и поднял руку. Всё было кончено.

И снова открытый бой едва не стоил одному из них жизни. Хоть и по его собственной глупости, но тем не менее. Коби был в сознании, когда Кеплер и остальные четверо подошли к нему, но он потерял много крови. Буди опустился возле него на колени и убрал его руку от раны. Затем он посмотрел вверх на Нгабе и Сахи.

— Держите его, — приказал он им. — Они крепко схватили дрожащего Коби за плечи и коленями прижали его руки к земле. Кеплер подал Массе знак продолжать прикрывать и сел на ноги своего наводчика. Буди стёр с лица дождевую воду и вытащил нож. — Коби, у тебя есть какие-нибудь венерические заболевания, о которых мне стоит знать, прежде чем я начну в тебе ковыряться? — осведомился он. — Коби с рычанием открыл глаза и сверкнул на него взглядом. — Ах да, ты же благочестивый мусульманин, ты даже не знаешь, как выглядит голая женщина, — невозмутимо продолжал дразнить его Буди. — Скажи, ты хочешь попасть в рай, так ни разу и не вкусив земных радостей? Поскольку ты ревностный исламист, тебе наверняка вынесут лишь выговор. Но он того стоит, поверь. — Коби едва не вскинулся от ярости. Резким движением Буди прижал его вниз, надрезал рану, бросил нож и пальцами полез за пулей. Коби вскрикнул. Буди поморщился, его правая рука провернулась, затем он вытащил её, посмотрел на пулю и отбросил в сторону. — Поздравляю с потерей девственности, — произнёс он. Коби перевёл дух, обмяк и закрыл глаза. Буди дважды хлопнул его по щекам и прижал свой окровавленный указательный палец к его носу. — Не засыпай, Коби, — приказал он, — думай о девочках. — Он посмотрел на Кеплера. — Сэр, аптечку. — Он снова повернул голову. — Коби! Женщины! Голые! — Он продезинфицировал рану, затем туго перевязал её давящей повязкой. Веки Коби затрепетали, пока Буди вытирал руки о свои штаны. — Ничего страшного, сэр, — сказал он Кеплеру. — Семьдесят семь молитв и побольше жидкости, и он снова будет как новенький. Вот только рана не должна снова открыться.

— Сахи, Нгабе, — крикнул Кеплер, — за мной.

Они пошли к грузовику через усеянное трупами поле. Из пятидесяти мародёров около пятнадцати сбежали, когда группа Массы перешла в контратаку. Большинство остальных были мертвы. Кеплер и его люди стреляли в голову каждому мародёру, который подавал хоть малейшие признаки жизни. У грузовика Кеплер велел своим людям поискать носилки или что-то, из чего их можно было бы соорудить. Сам он пошёл дальше к главарю. Тот был мёртв. Кеплер вернулся. Когда он подошёл к грузовику, Нгабе и Сахи уже смастерили носилки из походной кровати. Они вернулись, положили Коби на каркас кровати и унесли его.

Им потребовалось четыре часа на обратный путь до базы Второй группы. На следующий день прилетел Ми-24 и увёз их всех в Курдуд.

Кеплер снова победил. Как он выигрывал каждое сражение.

Но свою главную битву он в конечном счёте жестоко проиграл. Не прошло и четырёх недель, как он выстрелил Коби в затылок...

— Дирк?

Кеплер пришёл в себя и обернулся. Мелисса стояла перед ним и смотрела на него нахмурившись. Снова вспыхнула молния и осветила её. Кеплер продолжал видеть её даже после того, как вернулась темнота. Медленно и осторожно он дотронулся до груди Мелиссы. Затем положил ладонь на бесконечно нежную, такую непостижимо мягкую округлость. Чтобы его пальцы забыли, каково это — сжимать рукоять оружия.

Когда он проснулся, ему не показалось, что началась новая жизнь, как он так отчаянно надеялся. Он посмотрел на Мелиссу. Возможно, у него был шанс начать новую жизнь. Какое-то время он смотрел на Мелиссу. А затем осознал, что его надежда напрасна. Но он не хотел сдаваться без боя. Вдруг Мелисса, моргнув, открыла глаза. Она улыбнулась, и Кеплер увидел в её глазах ту же самую надежду.

На ощупь Мелисса была совершенно не похожа на всё то, что Кеплер держал в руках в последнее время. Воспринимать эту красоту всеми чувствами было для него упоительно. От этого его гнетущее чувство не исчезло, но стало меньше.

Мелисса, похоже, так же, как и Кеплер, изголодалась по физической любви, и поэтому воскресенье они провели в постели.

Глава 10

В воскресенье Кеплер чистил зубы пастой Мелиссы и пальцем. В понедельник ему стало неловко, и он заметил, что у него ничего с собой нет — ни зубной щётки, ни сменной одежды. Мелисса тут же объявила, что они идут за покупками.

Давным-давно Кеплер делал покупки для Катрин. Там, на другом краю света, он знал, что к чему, это был его мир. Здесь же лучше ориентировалась Мелисса. Кеплер чувствовал себя несколько сбитым с толку: после пяти лет в Африке вестфальский город стал для него экзотической страной. Такая смена ролей казалась странной. В остальном всё было почти как в Судане, когда он гулял с Катрин, разве что не хватало тяжести Глока на правом боку. Кеплеру этого не хватало.

Покупка средств гигиены много времени не заняла. Кеплер купил зубную щётку и пасту, а затем, лишь по настоянию Мелиссы, бритву и лосьон после бритья. От его вопроса, не сможет ли она пару дней потерпеть его щетину, она лишь отмахнулась и потащила его дальше. Два мучительных часа Кеплер подавлял в себе, по сути, беспричинное раздражение, когда продавцы несли нужные вещи недостаточно быстро или когда слишком много людей толпилось вокруг него. В итоге у Кеплера появился почти полный гардероб, от нижнего белья до спортивного костюма. Но когда Мелисса радостно улыбнулась, проходя мимо магазина, в витринах которого висели костюмы, Кеплер решительно положил конец их походу по магазинам.

Ночью, держа Мелиссу в объятиях, Кеплер забылся. Мелисса была доверчивой и не такой властной, как днём. Когда она уснула, Кеплер пошёл на тёмную кухню. Он сел за стол, опёрся головой на руки и уставился в одну точку.

Он убивал. Неважно, ради чего — для Йенса это было неприемлемо. Бабушка и Сара его не осуждали, но Кеплер знал, что они чувствуют примерно то же, что и его брат. По большому счёту Кеплер не чувствовал себя виноватым за свои поступки. Он был солдатом и сражался как солдат. Это не шло вразрез с его ценностями. Неприятие Йенса ему теперь было безразлично; чего он действительно боялся, так это потерять любовь Сары или бабушки. Всё остальное он мог пережить. Пока он мог смотреть самому себе в глаза, он мог жить и со своим прошлым. Мелисса просто закрывала на него глаза. Она хотела сильного мужчину, поэтому была готова мириться с его прошлым. Но Кеплер никогда не рассказал бы ей тех подробностей, которые доверил Саре. Мелиссе нужен был настоящий мужчина, однако он также должен был вписываться в её мировоззрение. Кеплер не знал, насколько его взгляды совпадают с её. До определённой степени он был готов подстраиваться. Вопрос заключался в том, способен ли он вообще на это. Ему не хотелось терять Мелиссу, потому что ему было с ней хорошо. Вот только, возможно, было бы лучше закончить эти отношения, пока они ещё толком не начались.

С другой стороны — ему было всё равно. Он брал то, что мог получить. Пока мог. Так было проще. Кеплер вернулся в постель.

На следующее утро он отправился на пробежку. Когда он вернулся, Мелисса уже проснулась. Они позавтракали, а затем пошли в город.

Мелисса, казалось, так же, как и во время покупок, хотела считывать каждое желание Кеплера по губам. И его пожелания снова должны были исполняться так, как этого хотела она. Мелисса держала его за руку, одновременно определяя маршрут и то, как они будут делать всё остальное. Кеплер хотел пить, а она заявила, что для пива ещё слишком рано. Он хотел поесть, и получил йогурт. Когда они уселись на траву в парке, это непременно должно было быть в тени, потому что Мелисса не взяла с собой солнцезащитный крем. Когда после прогулки они пошли поесть в китайский ресторан, Кеплер должен был заказать что-нибудь полезное. И счёт

Мелисса тоже хотела оплатить сама. Кеплер отмахнулся и потянулся за своим бумажником. Мелисса в присутствии официанта зло зашипела на него, заявив, что ей нет нужды сидеть у него на шее. Официант стоял у столика, потупив взор, и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Кеплер глубоко вздохнул и позволил Мелиссе сделать по-своему. Выйдя из ресторана, Кеплер захотел купить сигарет в киоске. Он почти перестал курить, но время от времени на него накатывала тяга к никотину, и сейчас был именно такой момент. Мелисса отстранённо наблюдала за его действиями. Когда продавец положил пачку на прилавок, она заговорила.

— Дирк, — произнесла она предостерегающим тоном, в котором едва уловимо сквозила смесь раздражения и непокорности, — прочитай, что там написано.

Предупреждающая надпись на пачке гласила о риске импотенции. Продавец, пожилой турок, с интересом выслушал замечание Мелиссы и выжидающе посмотрел на Кеплера. Тот отодвинул пачку обратно.

— Дайте мне, пожалуйста, с раком лёгких, — попросил он.

Турок улыбнулся и дал ему другую пачку. Протягивая сдачу, он подмигнул Кеплеру. Кеплер кивнул и повернулся к Мелиссе. Они посмотрели друг на друга, и у него возникло чувство, что Мелисса смущена — и рассержена. Тем не менее она улыбалась как ни в чём не бывало. К тому времени, как они вернулись в её квартиру, её недовольство, улеглось.

Возможно, потому что завтра ему нужно было уезжать, Мелисса вдруг стала вести себя так же, как в субботу. В их любовной игре она была нежна, а по тому, как она потом прижалась к Кеплеру, давая понять, что хочет, чтобы он её крепко обнял, у него сложилось ощущение, что на самом деле она не хотела его отпускать.

Вероятно, так оно и было.

— Оставь свои вещи здесь. Тогда тебе не придётся ничего привозить с собой, когда будешь меня навещать, — сказала Мелисса, когда на следующий день после обеда Кеплер собирался уезжать.

— Ты правда этого хочешь? — спросил он, удивлённый таким предложением.

Она кивнула, не колеблясь ни секунды.

Глава 11

Кеплер был уверен в себе и любил сильных женщин. Но не тех, которые вели себя как мужчины. Некоторым приходилось так поступать, чтобы выжить в мире, где часто доминировали мужчины. Кеплеру это не нравилось: он считал, что такой уровень слишком груб для женщин с их тонкой интуицией и интеллектом. Делать то, что хотела Мелисса, — это одно. Позволять ей управлять собой — совершенно другое. Размышления о том, стоит ли ему разрывать отношения с Мелиссой, занимали Кеплера весь следующий день.

Мелисса позвонила в пятницу в полдень и спросила, почему он не давал о себе знать. Кеплер отговорился тем, что ему нужно было заниматься квартирой. Он действительно этим занимался, вот только договорённость об осмотре заняла меньше десяти минут. Эта встреча дала ему предлог отклонить приглашение Мелиссы провести выходные у неё; он уже шёл к машине, чтобы ехать в Бремен. К его удивлению, Мелисса попросила взять её с собой. Да и её недавний вопрос о том, почему он не звонил, прозвучал без упрёка. Кеплер решил проверить, сможет ли он пересмотреть своё мнение об отношениях с Мелиссой. Он позвонил маклеру, перенёс встречу на два часа и поехал в Минден.

Мелисса очень обрадовалась, что ей разрешили поехать. В дороге она расспрашивала Кеплера о квартире и о том, почему он хочет переехать в Бремен. Но, хотя ей явно не нравилось, что Кеплер перебирается не поближе к ней, она сдерживала своё стремление всё контролировать.

Когда во время осмотра маклер ненадолго отошёл, Мелисса лишь сказала, что квартира ей не особо понравилась: по её мнению, она была тесной и походила на бункер. Однако и сейчас она не пыталась отговорить Кеплера её снимать.

Ему эта квартира напоминала его хижину в Судане, но поначалу он притворился совершенно незаинтересованным. Маклер, явно сбитый с толку тем, что Мелисса не принимает участия в принятии решения, поддался на уговоры и в итоге скинул пятьдесят евро с арендной платы. После этого Кеплер изъявил готовность подписать договор. Маклер заверил его, что в понедельник он сможет получить ключи.

На обратном пути в Минден Кеплер поблагодарил Мелиссу за то, что она поехала с ним: её присутствие оказалось хорошим подспорьем.

— Пожалуйста. Я вот теперь задаюсь вопросом, чья на самом деле это была идея, — подозрительно ответила она. — Ты как-то ненароком занимался в театральном кружке?

— Нет. Когда я был ещё меньше Сары и не мог сопротивляться, она решила, что должна читать мне вслух произведения мировой литературы. Я кое-чему научился. — Кеплер усмехнулся. — А она потом пошла изучать экономику.

— А ты стал солдатом, всё сходится. Так значит, эта конура тебе действительно нравится?

— Пока что это лучшее предложение, и я могу въехать прямо сейчас. Тогда ты сможешь меня навещать. — Кеплер подмигнул ей. — И если мы займёмся любовью прямо на полу в гостиной, это никому не мешает, и никто не сможет заглянуть в окно, так что нам не придётся опускать жалюзи.

Квартира Мелиссы находилась на первом этаже дома с довольно тонкими стенами.

— Тебе нужно всегда и везде, — сказала она. — Ты сейчас хочешь поехать домой? — Она вызывающе посмотрела на него. — Или хочешь на эту ночь поехать ко мне?

— К чему этот вопрос? — поинтересовался Кеплер. — Мел, ты же никогда не спросила бы мышь, хочет ли она сыра, верно? Просто потому, что она была бы не в состоянии отказаться, даже обладай она интеллектом.

Какое-то мгновение Мелисса ошарашенно пялилась на него.

— Моя квартира что, похожа на ловушку? — поинтересовалась она затем.

— Вся планета — ловушка, — парировал Кеплер. — Именно поэтому мы строим супер-танкеры, ковыряемся в вечной мерзлоте в поисках алмазов и так далее.

— Ты хочешь сказать, — начала Мелисса, криво усмехнувшись, — что всё вокруг нас — это лишь результат вашего мужского позёрства?

— А что же ещё? Без этого инстинкта у нас не было бы никакой тяги делать подобные вещи.

— Как это убого.

— Ещё как, — подтвердил Кеплер. — И в вашей власти это изменить. Но вы этого не делаете: видимо, вам нравятся супертанкеры. — Он вздохнул. — Ну да ладно, заодно всё это двигает вперёд цивилизацию, и скоро холодильники будут сами заказывать молоко. Но только молоко, и никогда пиво. И в этом тоже ваша вина.

— Обалдеть, — только и выдала Мелисса, ошеломлённо качая головой.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Так что там насчёт секса? — поинтересовался Кеплер.

Мелисса потрясённо вздохнула.

— Неужели белые мыши с красными глазами настолько без ума от сыра?

Она видела эмблему, и Кеплер рассказал ей историю этой нашивки, хотя в остальном он крайне неохотно говорил с ней о Судане.

— Крысы, — поправил он. — И ответ — да.

В понедельник Кеплер поехал в Бремен и уладил формальности с квартирой и пропиской. Обрато в Штайнфурт он ехал уже с номерами ганзейского города. Бабушке, хоть она обычно и поощряла его привычку делать всё быстро, не понравилось, что он так стремительно форсировал переезд.

Все пожитки Кеплера, если хорошенько их утрамбовать, поместились в его рюкзак, за исключением нескольких книг, которые он хотел забрать с собой, и постельного белья, которое он упаковал в отдельную сумку. Поскольку квартира уже была меблирована, пусть и не совсем в его вкусе, но достаточно просто, на этом переезд, собственно, и завершился.

Кеплеру оставалось только зайти в банк. Его счёт уже находился в бременском филиале, банковскую ячейку он тоже уже арендовал. Оставалось лишь перевезти Глок в Бремен.

Глава 12

Кеплер хотел закончить все дела ещё во вторник, но в этот день остался у бабушки. Почему-то его мучила совесть из-за того, что он оставлял её одну, хотя Йенс и Сара бывали у неё каждый день. Бабушка всё равно выглядела грустной. Поэтому на прощание Кеплер захотел сводить её куда-нибудь поесть. Бабушка отказывалась, но, скорее, по привычке. В конце концов Кеплер взял её за руку, намереваясь вытащить её из дома. Бабушка уступила, при условии, что ей позволят одеться подобающим образом. Кеплер с подозрением полчаса дежурил под её дверью, но она действительно вышла добровольно. За ужином к бабушке наконец-то вернулось хорошее настроение.

На следующее утро Кеплер в последний раз вышел на пробежку по Штайнфурту.

Приняв душ, он позвонил Мелиссе. Казалось, она обрадовалась его звонку, но на вопрос, приехать ли ему к ней в пятницу или она сама хочет его навестить, лишь отстранённо промолчала. Кеплер пошёл на кухню, одной рукой держа мобильник, а другой пытаясь натянуть рубашку. Он извернулся, чтобы попасть в рукав.

— Что-то случилось? — спросил он, потому что Мелисса всё ещё молчала.

— Да, — резко ответила она, — случилось.

— Что?

— У меня начались месячные. — В голосе Мелиссы звучало раздражение из-за его непонятливости. — Никакого сыра.

— Я всё равно приеду, раз уж буду поблизости. Мы можем сходить в кино.

Дойдя до двери кухни, Кеплер наконец-то умудрился надеть рубашку. Он удивился: бабушки там не было. Он пошёл в гостиную. Там бабушки тоже не оказалось. Кеплер не заметил никаких признаков того, что бабушка сегодня вообще спускалась вниз. Он снова поднялся наверх.

— Да, Дирк, с удовольствием, — сказала Мелисса. — Я буду рада.

Кеплера это обрадовало. Тем временем он поднялся наверх и постучал в дверь бабушкиной спальни. Он ничего не услышал и открыл её.

— Мелисса, я перезвоню, — быстро сказал он и опустил руку.

Вешая трубку, он ещё услышал, как она спрашивает, что случилось. Мгновение спустя мобильник зазвонил. Кеплер сбросил вызов не глядя.

Он застыл, и его мир рушился.

На седьмой звонок Мелиссы поздно вечером он ответил. К тому времени они с Йенсом успели многое уладить, и теперь оставалось не так уж много дел.

— Да, — вяло ответил Кеплер.

— Дирк, что происходит? — почти испуганно спросила Мелисса.

— Бабуля умерла, — ответил Кеплер с закрытыми глазами.

— О боже...

Кеплер был благодарен ей за то, что Мелисса произнесла лишь эти слова.

— Я могу взять несколько выходных, — сказала она. — Мне приехать к тебе?

— Нет. Но спасибо, Мелисса, — ответил Кеплер и повесил трубку.

Глава 13

В казавшемся теперь безрадостно-жёлтым свете Кеплер сидел с Йенсом на кухне их детства, которая выглядела пустой и холодной. Они обсуждали, что ещё предстояло сделать, не глядя друг на друга. Йенс взял на себя дела с инстанциями, Кеплеру предстояло организовать всё, что касалось церкви. То, что Йенс настоял на таком распределении, показалось Кеплеру попыткой брата вернуть его к истинным ценностям.

Но чем дольше длились многочисленные паузы, во время которых они оба пилились на стол, подавленные тишиной, тем яснее Кеплер понимал, что потерял не только бабушку. На ней держалась вся семья. Теперь его с братом почти ничего не связывало. Единственным утешением Кеплера было то, что бабушка мирно скончалась во сне, что её руки были сложены и что она улыбалась.

Когда они с братом закончили обсуждение, Йенс встал, с мученическим видом отводя взгляд. Кеплер видел по его лицу, что тот ни за что на свете не хотел звать его поехать к ним с Сарой.

— Иди, Йенс.

— Я могу оставить тебя одного? — спросил Йенс с явно выжидающей интонацией.

— Уже давно, брат.

Йенс не стал скрывать облегчения.

— Тогда я поеду к Саре. Пока, увидимся завтра.

Он вскользь пожал руку Кеплера и, ссутулившись, вышел из кухни.

Кеплер пошёл в тёмную гостиную и лёг на диван. На этот раз он ещё долго слушал, как за окнами воет ветер, прежде чем уснуть.

Кеплер не был в церкви уже двадцать лет. Она показалась ему меньше. И холоднее. Пастор, который должен был читать заупокойную мессу, встретил его в нефе. Это был молодой человек, который сразу не понравился Кеплеру. У него был бегающий, неуверенный взгляд, и говорил он быстро, не задерживая взгляд на глазах Кеплера дольше секунды.

Кеплера очень злило то, что похороны были похожи на покупку автомобиля. Музыка, венки, свечи — за всё нужно было доплачивать. После того как детали похорон были обговорены, тон пастора стал вкрадчивым.

— Ваша бабушка как-то говорила, что вы состоятельны, господин Кеплер. Не могли бы вы расплатиться сразу? И, возможно, пожертвовать что-нибудь на храм?

— Деньги за похороны я принесу прямо сейчас, — ответил Кеплер.

— И насколько большое пожертвование вы бы хотели? — язвительно поинтересовался он. — Вам нужен подсвечник ещё позолоченнее, или как?

Пастор ошарашенно посмотрел на него, но затем взял себя в руки.

— Вы имеете что-то против Бога? — спросил он. — Или против священнослужителей?

Внезапно Кеплер вспомнил муфтия, его лицо перед тем, как он выстрелил. Пастор почему-то выглядел точно так же. Кеплер сделал быстрый шаг к нему, приблизил своё лицо к его лицу на расстояние ладони и посмотрел в глаза растерянному пастору.

— Я видел, как казнили пятерых монахинь. Их заставили встать на колени и пустили им по пуле в голову. Но они приняли смерть достойно. Эти женщины были духовными лицами, — он чётко выговаривал каждое слово, — а вы всего лишь церковник.

Испуганный пастор опёрся рукой о скамью и с открытым ртом ошеломлённо уставился на него. Кеплер говорил не громко, но его было слышно во всей церкви: акустика здания была превосходной. Две старушки возмущённо посмотрели на него. Он повернулся и ушёл.

Коробка передач А8 имела и ручной режим, и Кеплер рывком вогнал селектор в нужное положение. Он выкручивал двигатель до предела и вбивал передачи ударами правой руки. Он ехал быстро, бросая лишь короткие взгляды по сторонам, а в остальном смотрел только вперёд.

В банке он подошёл к первому свободному окошку, коротко поздоровался со служащим и положил на стол свою банковскую карту.

— Сколько я могу снять за один день?

Банковский служащий удивлённо посмотрел на него, затем взял карту и молча скрылся за дверью. Через несколько минут он вернулся с мужчиной постарше и поплотнее.

— Добрый день, господин Кеплер, — приветливо поздоровался управляющий филиалом. — Вы желаете снять крупную сумму? Сколько?

— Об этом я как раз и спросил.

— Десять тысяч.

— Я бы хотел получить их прямо сейчас. И мне нужно в мою банковскую ячейку. Тоже сейчас.

— Вам нездоровится? — обиженно спросил управляющий.

— Извините, — попросил Кеплер. — Моя бабушка умерла.

— Ох, — произнёс управляющий. — Я...

— Только не надо соболезнований. Я просто хочу получить деньги.

Когда Кеплер вернулся, управляющий филиалом протянул ему конверт. Он отрывисто поблагодарил и сунул конверт в карман, не пересчитывая деньги, отдал управляющему ключ от ячейки и вышел. Он погнал машину обратно к церкви, остановился прямо перед входом и быстрыми шагами вошёл внутрь. Пастора нигде не было видно, и Кеплер громко позвал его, чем заслужил удивлённые и отчасти возмущённые взгляды немногочисленных посетителей. После второго крика пастор появился в дверях за нефом. Кеплер тут же направился к нему. В комнате, кроме пастора, находились мужчина и женщина, которые удивлённо на него посмотрели. Он ухватил пастора за руку и впечатал в неё конверт.

— Я хочу, чтобы у моей бабушки были хорошие похороны. Остаток можете оставить себе как пожертвование. Квитанция мне не нужна.

Пастор лишь растерянно кивнул.

Похороны состоялись через день. Проститься с бабушкой пришло много людей. Кеплер в чёрном костюме и солнцезащитных очках не пошёл в церковь, а ждал снаружи, пока не закончится месса. С самого утра он никому не сказал ни слова.

На кладбище Йенс поблагодарил бабушку за детство, которое она подарила ему, Саре и его брату. Говорить ему становилось всё тяжелее, и, закончив, он посмотрел на Кеплера. Кеплер коротко покачал головой. Йенс с опущенными плечами отошёл в сторону. Сара с залитым слезами лицом встала на его место. Она посмотрела в небо и прерывисто вздохнула.

— Она была моей мамой, — сказала она дрожащим голосом.

Дальше говорить она не смогла. Её ноги подкосились, когда она подошла к Йенсу. Они обнялись и заплакали, не стыдясь своих слёз.

Многие из присутствующих смотрели на Кеплера. Он стоял неподвижно, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он кивнул могильщикам, и они опустили гроб. Кеплер взял горсть земли, проигнорировав приготовленную лопату. Перед могилой он сел на корточки и позволил земле просыпаться сквозь пальцы на гроб. Он закрыл глаза и пробормотал почти забытую молитву, которой научила его бабушка. Затем он встал и отошёл в сторону.

После похорон Кеплер вместе с Сарой и Йенсом поехал в бабушкин дом. Пока Сара забирала Роберта от соседей, они с Йенсом прочитали завещание. Оно было коротким. Дом бабушка оставила им, а свои сбережения пожертвовала церкви и своему хору.

Кеплер съездил в банк и исполнил последнюю волю бабушки. Когда он вернулся, Сара уже купала Роберта и уложила его спать. Они с Йенсом сидели на кухне. Взгляд Сары больше не был таким оцепенелым, но Йенс смотрел только на свои руки, бессильно лежавшие на столе. Сара посмотрела на Кеплера, когда он вошёл в кухню. Он кивнул. Она с облегчением прислонила голову к плечу Йенса, и оба почерпнули новые силы из этого жеста. На краю сознания Кеплера мелькнула сожалеющая мысль о том, что у них с Мелиссой, пожалуй, так не будет никогда. Молча он достал из холодильника две бутылки пива, открыл их, поставил одну перед Йенсом и сел на другом конце стола. По-прежнему никто ничего не говорил. Кеплер откинулся на спинку стула, отпил из бутылки, затем посмотрел на брата. Йенс сделал глоток и вздохнул.

— Что будем делать с домом? — спросил он, не поднимая глаз.

— Он принадлежит вам. Продайте его и положите деньги на счёт для Роберта. — Кеплер пожал плечами. — Я не хочу за него ни цента, если тебя беспокоит это.

— Да дело вовсе не в этом. — Йенс сердито посмотрел на него. — Это бабушкин дом. Мы здесь выросли...

— Тогда переезжайте сюда, — перебил его Кеплер. — Мне не нужны за него деньги.

— Она была твоей бабулей, — сказал Йенс; его голос звучал гневно и ошеломлённо. — Она была для нас мамой, а ты, ты просто отмахиваешься от всего этого, пожимая плечами. Ты даже в церковь не зашёл!

— Я там персона нон грата.

— Дирк, — почти закричал Йенс, — мы сегодня похоронили нашу бабушку! Она была нашей жизнью, а ты — как камень! — Кеплер промолчал, и это привело Йенса в бешенство. — Неужели ты не мог отдать ей последнюю дань уважения? Неужели для тебя всё это больше ничего, — он фыркнул, сузив глаза от гнева, — не значит?

— Своей бабуле я дань уважения отдал, — ответил Кеплер не менее гневно. — Ей, а не похоронам. — Он отпил пива, затем продолжил спокойнее: — Она значила для меня всё. Теперь она мертва.

— Для тебя всё так просто?

— Да. Я ведь ничего не могу с этим поделать, верно?

Йенс в ярости посмотрел на него. Сара успокаивающе положила руку ему на предплечье, но он так же яростно её стряхнул и начал вставать.

— Пойдём отсюда, — выдал он.

— Останься, Йенс, — приказал Кеплер. — Скажи мне в лицо, что тебя не устраивает, не ной об этом Саре за моей спиной. Ей и так досталось.

Брат опустил обратно на стул и с отвращением посмотрел на него.

— Сколько же смерти ты повидал, что это оставляет тебя совершенно равнодушным? Кем ты стал? Ты вообще ещё что-нибудь чувствуешь?

— То, что мы похоронили, было лишь набором углеродных соединений, немного кальция и вода. — Кеплер тяжело посмотрел брату в глаза. — Это больше не была бабуля, Йенс. Она здесь, — он коснулся своей груди, — навсегда. И если бы это хоть что-то изменило — я бы с радостью умер вместо неё.

Он допил пиво, встал и пошёл к выходу. При этом он услышал, как заговорила Сара.

— Он бы действительно это сделал, Йенс, — сказала она. — Он бы умер за тебя, за меня, за нашего сына и даже за этого глупого пастора.

От её слов Кеплеру стало немного легче. Несмотря на своё горе, Сара всегда находила в себе силы дарить тепло другим. Она была как бабушка; было утешительно просто иметь её рядом. Кеплер закурил сигарету и глубоко затянулся. Затем он услышал за спиной лёгкие шаги Сары.

— Ты не боишься смерти, мой малой, не то что мы все. — Она обняла его. — Это жизнь не даёт тебе покоя, верно?

— Я знаю лучше вас всех, как хрупка жизнь, — глухо сказал Кеплер. — Бабуля болела, а я всё равно думал только о себе. — Он выбросил сигарету. — Я никогда ничего не делаю правильно, я умею только разрушать.

— Дурачок. Знаешь, что она знала наверняка? — Сара посмотрела ему в глаза. — Что ты её любил.

Она нежно погладила его по щеке, и впервые за много лет Кеплер почувствовал слёзы на своих глазах.

— Больше жизни, Сара.

— И она тебя любила. Она очень тебя любила, мой малой.

Глава 14

В субботу неделю спустя, приехав к Мелиссе, Кеплер не остался на ночь. Она пыталась его утешить, потому что его губы, по её словам, казались холодными, а глаза смотрели более пусто и жёстко, и их синева стала более ледяной. Кеплер лишь пожал плечами. Но хотя его брат был прав в том, что после Африки его чувства атрофировались, смерть бабушки подкосила его сильнее, чем Йенс мог себе представить. На то, чтобы свыкнуться с мыслью, что бабушки больше нет, Кеплеру потребовалось больше времени, чем в случае с Катрин, хотя он справлялся с этой утратой лучше Сары и, прежде всего, Йенса. В Судане перед ним стояла цель, поэтому он смог пережить потерю Катрин. Теперь ему нужно было отвлечься.

На этот раз в этом ему помогли интернет и Бремен.

Кеплер часами сидел за ноутбуком и подавлял любые воспоминания, забивая голову знаниями. Он читал наугад каждую статью, которая его хоть немного интересовала, и переходил по каждой ссылке или перекрёстной сноске в ней. Он усваивал любую информацию независимо от темы, его совершенно не интересовали лишь воспитание детей и абстрактное искусство. Чтобы сохранить в памяти подробности из ранней истории планеты, биологические парадоксы, технические характеристики транспортных средств и оружия, репортажи со всех концов света и недавно выученные слова, через несколько часов он выключал ноутбук и уходил из квартиры. Он бродил по безликим улицам, чувствуя себя только наблюдателем за толстой стеклянной стеной, сквозь которую свет и звуки проникали лишь приглушённо. Он рассматривал мир вокруг себя, не отождествляя себя с ним, не позволяя ему затронуть себя, не чувствуя своей причастности к нему. По вечерам он подыскивал уединённое местечко в каком-нибудь баре, наблюдал за царившей вокруг суетой и ломал голову над тем, что движет людьми. Было ли это всё то же стремление к успеху, которое превратило Абуду в зверя, или же ещё существовали идеалы, несущие благо. Он не мог долго высидивать в заведениях и вскоре снова бродил по улицам.

Эта странная игра, в которую он играл, чтобы хоть чем-то заняться и сбежать от бессмысленности, не отпускала его. Он проводил час за часом в порту, готовый отплыть на первом же судне. А затем спрашивал себя: куда? Так корабли уходили, он оставался, и его неутолённая тоска становилась всё сильнее. Кеплер не мог превратить своё неясное стремление в чёткую цель, поэтому он раз за разом возвращался домой.

С Мелиссой Кеплер виделся не чаще одного раза в неделю. В основном он ездил к ней, время от времени она навещала его. Она была нужна ему, чтобы чувствовать, что он живёт, а не просто существует. Они могли разговаривать друг с другом. Мелисса была умна и на всё имела своё мнение. Иногда оно совпадало с мнением Кеплера, иногда — совершенно нет. Тогда они вели жаркие словесные перепалки. Вот только об Африке они не говорили никогда, оба избегали этой темы. Когда темы для разговоров иссякали, они шли куда-нибудь. Потом они занимались сексом. При этом Кеплер заставлял себя забыть обо всём остальном, и тогда он не чувствовал внутренней пустоты. Он терял себя в каком-то забытьи и тем самым сбегал от реальности. Зато благодаря этому он мог целую неделю продолжать функционировать в реальном мире, не сходя с ума. Но каждый раз, уезжая от Мелиссы, он чувствовал себя пустым и выгоревшим, как тогда, когда выпрыгнул из окна кабинета Абуды. Он чувствовал себя не просто одним, а одиноким. И чем сильнее он это ощущал, тем яростнее была его радость от встречи в следующий раз. Яростнее и — короче, и она всё больше выражалась как физическое влечение. Вне постели он не мог выдержать с Мелиссой больше двух дней. Они были друзьями,

но не совсем. Они были любовниками, но не по-настоящему. Они нравились друг другу, но это чувство не окрыляло Кеплера, а пожирало его.

Кеплеру был нужен вызов. Он попытал счастья в стрелковых клубах.

В одном из них ему понравился тир, потому что под крышей находилась только стрелковая позиция, а мишени располагались на улице; там не было так стерильно, как в закрытом помещении. Но спортивная стрельба была не для него, хотя бы потому, что заряжать разрешалось только пять патронов. А вспомогательные средства вроде наглазника и упора для руки казались ему идиотскими, как и необходимость две минуты целиться ради одного-единственного выстрела. Он уже собирался уходить, но затем попросил пистолет. Мужчина, который показывал ему клуб, дал ему свой Зиг Зауэр 226.

Несколько секунд Кеплер смотрел на пистолет и матово поблёскивающие патроны в магазине. Автоматическим движением он вогнал магазин в рукоятку. Он передёрнул затвор и вскинул оружие обеими руками. Звук вставляемого магазина и клацанье затвора при досылании патрона, тяжесть пистолета в руках, глаза, автоматически ищущие цель, — всё это было ему так же знакомо, как собственное тело, знакомее всего остального. Он прицелился в мишень на расстоянии пятнадцати метров и выстрелил. Хлёсткий звук выстрелов, отдача, дульное пламя стали для него почти освобождением. Но патронов было всего пять. И всё же он положил все пять пуль точно в десятку. Мужчина, одолживший ему пистолет, пялился на него. Затем он захотел что-то сказать, но Кеплер прервал его движением руки. Он выбросил магазин, достал из пачки один патрон и вставил его в патронник. Затем нажал на рычаг затворной задержки. Затвор сорвался вперёд и взвёл 226-й. Кеплер вскинул его и выстрелил.

На мгновение он увидел не маленькую дырочку в десятке.

А сверкающее голубое небо, бескрайнюю саванну и баобаб; он почувствовал жаркое солнце Африки на своей коже и Катрин рядом с собой.

Воспоминание растаяло вместе с эхом выстрела. Тоска осталась.

Глава 15

Несмотря на настоятельные просьбы стрелка вступить в его спортивный клуб, Кеплер туда больше ни разу не пришёл.

Но без дела он ещё никогда подолгу не выдерживал. Разведав Бремен, он критически переосмыслил свой образ жизни. Его квартира находилась недалеко от главного вокзала, на юго-восточной окраине Бюргерпарка, так что в его распоряжении было несколько маршрутов для утренних пробежек. Но с тех пор, как он жил в Бремене, он вообще больше не тренировал ближний бой и не сделал ни единого упражнения по кунг-фу.

У Кеплера и в мыслях не было идти в тренажёрный зал: он не верил, что там или в спортивной школе он смог бы тренировать то, что ему было нужно. Однако подвальное помещение, относившееся к его квартире, было лишь немногим меньше гостиной. По какой-то непонятной причине насмешливо ухмыляясь, Кеплер застелил пол подвала матами и раздобыл турник, который можно было закрепить на потолке. Это не позволяло выполнять всё то многообразие упражнений, которые на нём были бы возможны, но Кеплер и не собирался заниматься спортивной гимнастикой. На турнике он хотел лишь разминаться, а для этого свободного пространства над перекладиной было вполне достаточно.

Через интернет он заказал из Японии макивару. Это был традиционный снаряд для тренировок, прежде всего в каратэ. Он представлял собой гибкую, неломящуюся, не дающую щепок и пружинящую деревянную доску. В отличие от классической обмотки из рисовой соломы, у макивары Кеплера на верхнем конце была ударная подушка из поролона в кожаной обшивке длиной около тридцати и шириной около десяти сантиметров. Традиционными в этой макиваре оставались размеры — два метра двадцать сантиметров в высоту и около пятнадцати сантиметров в ширину; кроме того, она сужалась кверху. Ещё одной данью современности была возможность закрепить доску на стене, а не вкапывать её в землю. На макиваре отрабатывались прежде всего удары кулаком, но помимо физических требований, тренировка предъявляла и ментальные, прежде всего к концентрации. В первый же день Кеплер без особых усилий заработал себе растяжение запястья. Будучи благодарным за подтверждение того, что его решение было верным, он, стиснув зубы, подошёл к доске и сосредоточенно принялся восстанавливать свою точность, силу и выносливость.

Две недели спустя ему стало этого мало. Снова через интернет он купил мук-ян-джон — деревянный манекен, лишь отдалённо напоминающий человека, который фигурировал в любом, даже самом непритязательном фильме о кунг-фу, когда главный герой нарабатывал своё невероятное мастерство. Какими бы нелепыми ни были некоторые из этих фильмов, деревянный манекен таковым не был. На нём можно было отрабатывать огромное множество техник ударов ногами, тычков, рывков, надавливаний, ударов руками и уклонений. Манекен не заменял настоящего партнёра по тренировкам, с которым можно было довести свои навыки до совершенства, но для одиночных занятий он был куда полезнее собственной тени. Кеплер не говорил по-кантонски, но то, что название снаряда означало «деревянный человек-столб», он знал. Тем не менее эта деревянная штучка была не такой уж безобидной, как выглядела и называлась. Если по ней ударить и зазеваться, она была в ответ с такой же силой. Какое-то время для Кеплера этот факт оставался весьма болезненным.

Мастер Кеплера в спортивной школе Райне обучил его кунг-фу стиля Лок-Ю-Вин-Чун — смеси внутренних и внешних боевых искусств. Из тай-чи этот стиль перенял основополагающее правило использовать силу противника в своих интересах. Движения были прямыми и плавно перетекали одно в другое; внутренние боевые искусства всегда считались в первую очередь эффективным методом самообороны. От внешних искусств шаолиньского кунг-фу, которое по сравнению с уданским кунг-фу считалось жёстким, стиль взял агрессивность. Кеплеру

нравилась эта смесь. Он не отличался особой физической силой, а этот стиль давал ему возможность с самого начала проломить противнику череп, так что он вообще не оказывался в положении, когда приходилось защищаться. В кунг-фу вин-чун существовало не только сто восемь техник на деревянном манекене, но и боксёрский мешок в качестве тренировочного снаряда для оттачивания зрительного контроля и оценки расстояния. На нём Кеплер хотел дополнительно и более разносторонне тренировать силу своего удара.

Полтора месяца его единственным занятием было изматывать себя в подвале. Если не считать пробежек и еды, он больше не выходил из дома. Когда вечером он, обессиленный, покидал подвал, его внутренняя тревога, казалось, немного утихала.

И теперь он спал без сновидений. Чаще всего.

Увлечение китайскими боевыми искусствами ещё давно породило у Кеплера другую страсть — он любил китайскую кухню. Теперь ему пришла в голову мысль научиться готовить. Он купил поваренную книгу по традиционному китайскому кулинарному искусству, а в придачу — пару воков. Результаты его попыток на кухне оказались плачевными. По сравнению с его успехами в подвале они были просто чудовищны. После второго эксперимента Кеплер пожал плечами, оставил воки в покое и с тех пор ел в китайском ресторанчике за углом. С тех пор воками лишь однажды воспользовалась Мелисса.

Глава 16

Если бы не шанс ещё раз увидеть бабушку, Кеплер остался бы в Судане и продолжил бы ту безнадёжную борьбу, о которой говорил с Сарой. Но бабушка значила всё не только для него. Поэтому её смерть повлияла на семью именно так, как и опасался Кеплер: она начала распадаться. Бабушка оставила после себя пустоту, которую невозможно было заполнить.

Йенс осознал её старания и усилия стать им заменой родителей гораздо острее, чем Кеплер, и ценил это больше. Отношения Йенса с бабушкой были более доверительными, чем у Кеплера. Возможно, потому, что он был старше, когда погибли их родители. Через неделю после похорон семья Йенса переехала в дом бабушки. Кеплер с тяжёлым сердцем смирился с тем, что бабушки больше нет, его же брат, напротив, словно не хотел в это верить.

Во время первого визита Кеплера Йенс показался ему гораздо более подавленным, чем сразу после смерти бабушки. Сара тоже была не совсем похожа на себя. Обоим, казалось, было плохо, но оба не проронили ни слова о причине и на расспросы не отвечали, а уклонялись от них. Кеплер не стал настаивать — брат слишком явно исключал его из жизни своей семьи. Во второй раз он навестил их только потому, что его пригласила Сара. На этот раз с ним приехала Мелисса, и это немного разрядило гнетущую атмосферу, потому что Роберт сразу проникся к ней симпатией. Она мгновенно оказалась у него в подчинении.

Три месяца спустя уже Йенс пригласил Кеплера в гости. Причина такого удивления быстро прояснилась. Йенс к тому времени вынужденно смирился со смертью бабушки. Но эта глубокая перемена, казалось, сделала для него невозможным продолжать жить как прежде. Трое людей, которых он любил, были мертвы, и теперь он, судя по всему, хотел начать жизнь там, где воспоминания об этих людях не были бы столь осязаемы. Он решил эмигрировать, о чем и счёл своим долгом известить Кеплера.

— Куда? — поинтересовался Кеплер.

— Под солнце Калифорнии, — Сара мечтательно улыбнулась. — В Кремниевую долину.

— Я получил там действительно хорошую работу, — с долей пренебрежения добавил Йенс.

— Рад за тебя. А я вот не могу найти ничего, что соответствовало бы моей квалификации, — парировал Кеплер этот выпад.

— Мы уезжаем уже в конце ноября, — быстро вставила Сара.

— Всего вам доброго, — искренне пожелал Кеплер.

Если им от этого станет лучше, значит, это правильный путь.

Йенс и Сара, казалось, испытали облегчение от его одобрения. Йенс даже довольно весело рассказывал, какую работу он получил и что хочет купить кабриолет шестидесятих годов, чтобы его отреставрировать. Сара радостно улыбалась, когда Йенс говорил, что здесь почти все дела улажены. Дом продан, и у них даже нет больше машины. А в Америке уже всё подготовлено: дом, машина, детский сад для Роберта. Кеплер радовался за свою семью и тому, что они рады. Его брат и невестка выглядели почти счастливыми, почти спасёнными.

— Теперь у меня есть повод съездить в Америку, — обронил Кеплер на прощание. — Может, я тоже там останусь.

Он высказал эту мысль не задумываясь. И только потом осознал её. Мелисса, похоже, не играла большой роли в его жизни.

Сара посмотрела на него с грустью. Видимо, она подумала том же.

Глава 17

В начале ноября Кеплер снова навестил семью брата вместе с Мелиссой. Этот визит стал прощальным. И Йенс, и Сара выглядели очень встревоженными. Весь вечер Кеплера не покидало ощущение, что Сара хочет что-то ему рассказать, и что Йенс её удерживает. Кеплер был этому даже рад. Хотя он и побывал во многих странах мира, его опыт совершенно не годился в качестве основы для советов о том, как обустроиться в чужой стране. К тому же он был абсолютно уверен, что и брат, и невестка справятся с этой задачей.

На следующей неделе после возвращения из Штайнфурта Мелисса снова простудилась. На этот раз она не потребовала визита вежливости; она хотела вылечиться и не позволять любимому, изматывающему занятию Кеплера лишать её сил. Он возразил, что секс скорее бодрит, но не стал её уговаривать.

Вместо этого он всю тренировался в подвале и снова до поздней ночи бродил по Бремену. Когда через две недели позвонила Мелисса, голос её звучал обиженно. Кеплер сначала удивился, а потом понял: её недовольство вызвано тем, что ему было почти всё равно, позвонит она когда-нибудь снова или нет. Тем не менее он искренне обрадовался звонку, и Мелисса это почувствовала. У неё всё ещё был слегка заложен нос, но она заявила, что ей уже лучше, не для окончательного выздоровления не хватало последнего штриха. Затем она спросила, не хочет ли Кеплер снова её «полечить». Возможно, это было косвенным признанием того, что суп помог, но Кеплер ощутил не радость, а укол боли. Мелисса извинилась за необдуманную фразу. Кеплер ответил, что ей не за что извиняться, ведь и это воспоминание о бабушке — доброе. Как, собственно, и любое другое.

Кеплер повесил трубку, спустился в подземный гараж, пробудил Ауди от глубокого сна и поехал. Куриного супа на этот раз с собой не было, зато он привёз таблетки эхинацеи. Мелисса проглотила их без возражений, но с такой гримасой, что Кеплер подтащил её к зеркалу, чтобы она на себя посмотрела. Оба рассмеялись.

Когда Кеплер на следующий вечер ехал домой, зазвонил мобильник. Это была Сара. Очень быстрыми и прерывистыми фразами она умоляла Кеплера немедленно приехать. Ему не понравились ни голос Сары, ни её тон. Он спросил, не случилось ли чего. Сара ответила утвердительно и попросила ничего не говорить Йенсу об этом разговоре, приехать быстро и, самое главное, одному.

Кеплер продолжил путь с более чем нехорошим предчувствием. Насколько он помнил, Сара и Йенс ссорились всего дважды за все эти годы. Но оба раза они расстались, и им было трудно снова найти путь друг к другу. Переезд в другую страну — это чистый стресс, и Кеплер предположил, что проблема Сары вызвана именно этим. Он испытал облегчение: подобное было далеко не так страшно, как смерть бабушки. Он даже вспомнил, что у племянника скоро день рождения. Но он не был уверен, стоит ли ему навещать семью в США уже в это время, и решил сделать Роберту подарок сейчас.

У малыша, по сути, всё было — или, по крайней мере, могло быть, у родителей хватало денег. Но во время своих вылазок по Бремену Кеплер заметил кондитерскую, где создавали настоящие произведения искусства, и усмехнулся, предвкушая выражение лица Роберта — да и его родителей тоже. Он заехал в кондитерскую и заказал огромный торт в форме корабля.

На следующее утро Кеплер забрал заказ. Из-за короткого срока этот шедевр обошёлся ему вдвое дороже обычного спецзаказа, но ему было всё равно. Спустя без малого три часа он припарковался у бабушкиного дома. Он заметил, что сад запущен, но не стал на этом задерживаться.

Племянник всё ещё — или уже — спал сном праведника. У Сары глаза полезли на лоб при виде гостинца, и она наконец-то радостно улыбнулась. Кеплер внимательно посмотрел на невестку. Сара выглядела изнеможенной, на её лице застыл страх, и радость почти мгновенно исчезла из её глаз. В этот же момент зазвонил её телефон. Лицо Сары тут же исказилось в глубочайшем отчаянии. Она затравленно и испуганно посмотрела на экран и судорожно выключила его. Телефон тут же зазвонил снова, а затем снаружи раздался громкий гудок машины, от которого Сара вздрогнула. До Кеплера начало доходить, что жалюзи опущены вовсе не из-за Роберта. Он хотел призвать невестку к ответу, но в это мгновение из спальни послышался хныканье. Сара тут же бросилась туда. Она вернулась с маленьким сыном на руках и с явным облегчением. Роберт спросонья тёр кулачками слипшиеся глаза, а затем недоверчиво уставился на дядю. После этого он уткнулся лицом в шею матери, и Сара защищающим жестом прижала его к себе.

Торт показали Роберту только после завтрака, чтобы он съел хоть что-то нормальное, прежде чем набросится на сахар. Он был в явном восторге и даже на миг замер в благоговейном трепете перед грандиозным кондитерским изделием, прежде чем безжалостно разгромить шоколадный такелаж. Кеплер и Сара помогали ему изо всех сил; после этого пиршества от корабля осталась только корма. Наевшись до отвала, Роберт тут же снова заснул.

Кеплер ждал в гостиной с чашкой кофе, пока Сара укладывала сына. Вскоре она вошла и бессильно опустилась на край дивана. В комнате повисло гнетущее молчание. Сара выглядела напряженной и избегала смотреть Кеплеру в глаза.

— Говори уже, — приказал он.

— У нас неприятности, — начала Сара. — Йенс настраивал компьютерную сеть одной фирме, и владелец стал давить на него, чтобы тот инвестировал в его игорный зал. Он как-то узнал, что у нас есть деньги. — Сара горько вздохнула. — Ты же знаешь Йенса, он не умеет говорить «нет», а тот тип был по-настоящему назойливым. В итоге Йенс вложился...

— Сколько?

— Сто тысяч. — Сара виновато посмотрела на Кеплера. — Прости...

— Это ваши деньги, — ответил он. — Как Йенс платил?

— Наличными...

— Прибыли, видимо, не последовало, — язвительно предположил Кеплер. — И что дальше?

— Да, не последовало, — горько подтвердила Сара. — Но вместо этого тот тип потребовал ещё. В какой-то момент Йенсу это надоело, он заплатил ещё раз, чтобы тот от нас отстал. Но тип не унимался. Йенс пригрозил пойти в полицию. — Сара беспомощно посмотрела на Кеплера. — Но тип сказал, что наши инвестиции были нелегальными, и если это всплывёт, то нас тоже привлекут. — Сара съёжилась. — Йенс хотел отдать им всё, но нам нужны деньги для Америки, мы уже подписали контракт на дом там. Если мы не сможем заплатить... если власти узнают, что мы преступники... — Она всхлипнула. — Йенс отдал им шестьсот тысяч, всё, что мы могли выделить, но они хотят и остальное. Мы сняли оставшиеся деньги, и Йенс сказал им, что они уже в банке США, но они не верят и требуют их отдать. — Теперь Сара уже не могла сдерживать слёзы, они покатились по её щекам. — Один раз мне показалось, что они хотят вломиться, и я вызвала полицию. Приехал патруль, но никого уже не было. Йенс хотел подать заявление, но в полиции ему сказали, что смогут только тогда что-то предпринять, когда произойдёт что-то конкретное. — Сара ошеломлённо посмотрела на Кеплера. — Только если они что-то сделают с Робертом, Дирк, только тогда нас защитят! — Она почти завывала. — С тех пор эти люди нас терроризируют. Постоянно звонят и подстерегают повсюду. Я с Робертом уже несколько недель не выходила на улицу. Они как-то даже узнали мой номер мобильного.

— Почему ты не сказала мне раньше? — гневно потребовал ответа Кеплер.

Сара грустно посмотрела на него.

— Я хотела, но Йенс не разрешал.

Её голос постепенно перешёл в отчаянный шёпот.

— Если вы отдадите им эти триста тысяч, они и в США не оставят вас в покое, — сказал Кеплер. — Или придут ко мне. Удивлён, что их ещё не было.

— Я тоже так думаю, — согласилась Сара. — Но речь идёт о моём сыне, пусть забирают эти деньги. — Её глаза яростно сверкнули. — Пусть они ими подавятся. — Её взгляд снова стал отчаянным. — Только нам нужны деньги, чтобы вообще начать в США, без капитала нам там делать нечего. — Она умоляюще посмотрела Кеплеру в глаза. — Ты можешь нам что-нибудь дать? Пожалуйста.

— Нет, — прорычал Кеплер сквозь стиснутые зубы.

— Мы когда-нибудь тебе вернём, — пробормотала Сара, глядя в пол.

— Я не дам вам денег, — отрезал Кеплер. — Не для того, чтобы вы отдали их этим типам. — Он сделал паузу. — И я избавлю их от поездки в Бремен. — Он посмотрел на Сару. — Я сделаю так, что вы сохраните свои деньги, и вывезу вас отсюда целыми и невредимыми. Только ты и Йенс должны делать ровно то, что я вам скажу. — Сара кивнула, но в её глазах стоял страх. Однако постепенно, чем дольше она смотрела на Кеплера, этот страх начал уступать место надежде. — Когда ваш рейс? Из Мюнстера, верно? — спросил он.

— Да. Послезавтра в пятнадцать ноль-ноль.

— Вам нужно ещё что-то сделать?

— Уже всё готово. Йенс только поехал на кладбище к бабушке и вашим родителям. — Сара всхлипнула. — А я сижу на этих проклятых деньгах!

Её телефон снова зазвонил. Кеплер протянул руку, и она нерешительно отдала ему трубку. Он вышел из дома. Чёрный Мерседес как раз медленно проезжал мимо ворот. Кеплер выбежал на дорогу и поднял руку с телефоном. Звонок прекратился, Мерседес остановился. Затем V8 яростно взревел, и машина дёрнулась с громким визгом шин. Незаконно затонированное стекло передней пассажирской двери опустилось.

— Ты кто такой? — потребовал ответа кудрявый парень на пассажирском сиденье.

— Брат Йенса. У меня есть то, что вам нужно.

— Ну так отдавай сейчас.

— Они только что рассказали мне, почему я должен был хранить их деньги, — соврал Кеплер. — Мне нужно их сначала забрать, придурок.

— Э...

— Не экай мне, кудрявый.

— Ты хоть знаешь, с кем связываешься? — тут же угрожающе спросил тот.

— Избавь меня от проповедей и говори по делу.

— А ты смелый, — сказал кудрявый, скорее с забавой, но и с лёгким оттенком признания. — Ты правда такой крутой или только прикидываешься?

— Я принесу их вам завтра вечером, в десять часов. Встретимся здесь, — постановил Кеплер. — С этого момента вы оставите мою семью в покое.

— Ладно, — пробасил кудрявый. — Ах, погоди-ка, — попросил он почти вежливо, когда Кеплер собрался уходить. — Пойдёт что-то не так, — мягко пригрозил он, — всё пойдёт прахом. Для твоего брата, для твоей невестки и для твоего племянника. Они никуда не улетят.

Он пренебрежительно улыбнулся, поднял стекло, и машина тут же тронулась.

Кеплер холодно и безрадостно смотрел Мерседесу вслед. Кудрявый содрогнулся бы, увидь он этот взгляд. Кеплер вошёл в дом.

Сара ждала его в прихожей, судорожно скрестив руки на груди.

— И?

— Они дадут вам уехать, — пообещал Кеплер. — С деньгами.

Сара какое-то время смотрела на него. Она всегда умела читать его мысли.

— Ты их убьёшь.

— Только если они сами не захотят иначе.

— Знаешь, Дирк, — сказала она, — именно поэтому Йенс не хотел тебе говорить.

— Тогда ему пришлось бы заплатить, — парировал Кеплер.

Сара боролась со своим отчаянием.

— Если ты нам ничего не дашь, мы в Америке даже квартиру снять не сможем.

— По крайней мере, ты понимаешь суть, — сказал Кеплер.

— Я Роберта больше из виду не выпускаю, — глухо произнесла Сара. — Он теперь спит только с нами. А я плачу. — Её глаза ненавистно блеснули. — Нельзя так поступать с младенцем.

— Ни с кем нельзя, Сара.

— Да. — Она положила руку на его ладонь. Она всё ещё выглядела испуганной, но в её глазах теперь были уверенность и холодная решимость. — Ты защитил Катрин, а теперь ты защитишь свою семью.

Именно это Кеплер хотел — даже должен был — услышать, и он был рад, что Сара понимает его чувства. Он защитит их, раз уж не защитил брата. Он был должен ей это, и сделать это он мог только одним способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.